

Владимир ШПАКОВ

ЕВА РОЖАЕТ

Владимир М. Шпаков

Ева рождает

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42598991

Владимир Шпаков. Ева рождает: Алтейя; СПб; 2018

ISBN 978-5-907030-30-5

Аннотация

В новую книгу прозаика Владимира Шпакова вошли рассказы последних лет. Автор собрал под одной обложкой «чертову дюжину» историй на грани реальности и фантазии, органично сплавил узнаваемые детали и исключительные ситуации. Иногда повествование тяготеет к жесткому реализму, иногда к мистике и даже фантастике. Но главное, тут всегда присутствует подлинная драма вкупе с ненавязчивой иронией. Это проза – тонкая, умная, увлекательная, так что праздник читателю обеспечен. Даже целых тринадцать маленьких праздников.

Содержание

Война майора Чумака	5
Краеугольный камень	5
Война майора Чумака	50
Ева рождает	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Владимир Шпаков

Ева рождает

*Книга издана при поддержке Министерства культуры
РФ и Союза российских писателей*

© Шпаков В. М., 2018

Война майора Чумака

Краеугольный камень

1.

Свет автомобильных фар выхватывает из темноты то старую шершавую стену, то одинокого ночного пешехода, то раскидистые кусты, покрытые незнакомыми ярко-красными цветами. После очередного поворота луч упирается в помойный бак, на котором расположилось несколько худосочных рыжих кошек. На миг животные застывают, ослепленные, затем стремительно исчезают в темноте.

– Где ж эта улица, япона мама... – бормочет Давид, выкручивая руль левой рукой. – Ее даже навигатор не показывает! Она вообще существует?!

– На карте существует. Может, карта устарела?

– Карта... Тут все настолько старое, что устареть уже не может!

Мы уже полчаса крутимся возле рынка Махане Иегуда, попадая или в тупики, или в закоулки, где не проехать из-за припаркованных машин. Действуя той же левой, Давид вы-

езжает задним ходом так быстро, что боязно за авто на обочине.

– Можешь потише?! Мы никуда не спешим!

– Это ты не спешишь. А мне с утра в Беэр-Шеву, будем кумекать с хирургом, что с конечностью делать...

Он кивает на правую руку, которой практически не касался руля всю дорогу от аэропорта. Хорошо, в его «Мазде» коробка-автомат, и не надо переключать скорости: по словам Давида, «конечность», по сути, пришили заново, ее полагаются лелеять.

– Болит? – интересуюсь осторожно.

– Рука-то? Терпеть можно. Так, давай-ка твою карту!

Машина тормозит, я лезу в баул, после чего под светом фонарика исследуем план одного из древнейших городов мира. От улиц, даже изображенных на туристическом плане, исходит запах старины глубокой. Тут время измеряется не веками – тысячелетиями, и сами топонимы несут в себе потаенный смысл, как книга Зогар.

– Что такое – Бецалель? – спрашиваю, прочитав название одной из улиц.

– Бецалель? Это имя. М-м... Кажется, оно означает: в тени Б-га.

– Б-га?!

– Ну, нам же нельзя все, запрещено. Хотя все эти запреты, скажу тебе...

Он водит пальцем по плану, я же перевариваю услышан-

ное. «В тени Бога» – это круто! Сейчас ночной Иерусалим весь в тени (возможно, именно Бога), он выглядит таинственно и величественно. Да, я выбрал не лучшее время для его посещения, но что мы знаем о «лучшем» и «худшем»? О том, где находишь, где теряешь?

Отбросив карту, Давид опять давит газ.

– Так, я все понял! Это не здесь, возле Яффо! Так что тебе, считай, повезло!

– В чем?

– Совсем близко к Старому городу. Ты ведь туда потащишься?

Наверное, потащусь. Но для начала хотелось бы кинуть кости на мягкое. Дорога была утомительная, с пересадкой в Варшаве, где, ко всему прочему, внезапно расшалились нервы. Я торчал перед телевизором в зале ожидания, наблюдая взрывы в сопровождении тревожного пшеканья диктора. Слово «кассам», однако, распознавалось даже на польском; и накатывала тоска: куда я собрался?! Какая, на фиг, израиловка?! Домашние не просто не советовали – в категорической форме требовали сдать билет, отложив поездку до лучших времен. Но я уперся: не могу больше откладывать, перед Давидом неудобно! И хотя Давид тоже советовал подождать окончания заварухи, мне попала шлея под хвост. Слишком хотелось туда, где время измеряется тысячелетиями, а улицы пахнут глубокой стариной. Журналист я, в конце концов, или где?! Я намеренно забыл, что моя журналистика и близ-

ко не касалась военной темы, ограниченная областью культурной хроники – я представлял себя, по меньшей мере, Фучиком. Вот только петли на шее не хотелось, что в транзитной зоне варшавского аэропорта я ощутил особенно остро...

– Вот твоя гостиница! – восклицает Давид, глуша двигатель перед зданием с неоновой вывеской *Havega* на фасаде.

– Название, правда, не внушает доверия. Хавера по-нашему означает: подруга.

– И что с того?

– Может, это бордель? Дом терпимости, иначе говоря? И ты – ну признайся! – прикупил секс-тур?

Приятель ржет (доволен, что доехали!), я же молча вылезая из машины. Теперь вытащить баул и – к дверям, конечно же, запертым в соответствии со временем суток. Переговоры с проснувшимся хозяином берет на себя Давид. Из ивритского многословия мозг выхватывает знакомое «беседер» (все, мол, о'кей!), после чего сознание гаснет. Питер, Варшава, Бен-Гурион, ночная трасса, круги по городу – все это изрядно утомило, хочется элементарно выспаться. Мы движемся от ресепшн по коридору, сворачиваем, поднимаемся по лестнице на несколько пролетов, но все это в режиме сомнамбулы. Наконец щелкает замок, мы вваливаемся в крохотный номер со шкафом и узкой кроватью, на которую я буквально падаю.

– Не Хилтон, но жить можно, – оценивают жилье. – У меня в Беэр-Шеве просторнее, конечно, только очень далеко

от Старого города. Да и кассамы туда долетают, а оно тебе надо? Сюда, впрочем, тоже парочка долетела.

– Прямо сюда?!

– Ну, на окраину, до центра не достают – пока.

– Спасибо, утешил...

– Хозяин чуть-чуть говорит по-русски, но, если наткнешься на языковой барьер – набери меня и передай трубку. Зовут его Моше. О, у тебя даже балкон имеется!

Отодвинув плотную ночную штору, Давид открывает балконную дверь, выходит наружу, чтобы вскоре вернуться с разочарованным видом.

– Под окнами, увы, строительный котлован. Эй, засыпашь, что ли? Ладно, отдыхай. Дверь на ночь запирай, бабки и документы в номере не оставляй – в этих «хаверах» всякие живут. А пока – пока!

Ночью я бегаю по улицам древнего города, однако всякий раз упираюсь в тупик. В тупиках стоят помойные баки, на них восседает множество зверьков со светящимися зелеными глазами, и хотя я знаю, что это кошки, меня охватывает непонятный страх. И я медленно, будто включив задний ход на машине, пячусь спиной, чтобы вскоре опять ринуться в очередной закоулок, не ведущий никуда. Внезапно в воздухе раздается характерный свист. Кассам?! Я мчусь со всех ног, прыгаю в какой-то котлован (счастье, что он есть!), только смертоносная ракета бьет точнехонько в него! Трах, бах, пыль столбом, и я – с безвольно висящей правой рукой.

– Ну, как, болит? – вопрошает сверху (откуда он взялся?!)

Давид.

– Я ее вообще не чувствую. А ты откуда...

– От верблюда. Ладно, отдыхай. Тебе повезло – попал в такое классное место! Можно сказать, в тени Б-га находишься!

– Но здесь война!

– А с этим тебе повезло еще больше. Журналист ты или где?! Война – это очень интересно!

В этот момент свист раздается еще раз, я выскакиваю из котлована и, придерживая болтающуюся конечность, стремглав несусь в закоулок. Ба-бах! – ударяет в стороне. Лишь тогда, с облегчением опустившись на землю, приваливаюсь к мусорному баку...

2.

Утром с балкона открывается весьма противоречивый вид. В отдалении над крышами домов, будто опрокинутая вверх дном золотая лодка, блестит на солнце купол мечети Омара, что на Храмовой горе. Внизу же – серое дно котлована, по которому перемещаются оранжевые пятна. Это защитные каски рабочих, на них я гляжу сверху. Иногда они собираются вместе, иногда расползаются по разным частям огромной ямы или вовсе вылезают за ее пределы. Внезапно одна из касок начинает вздрагивать, в воздух взметывается

пыль, и окрестности оглашает мерный звук: та-та-та... Отбойный молоток? Теперь понятно, откуда в мои сны внедрялись звуки войны. Сейчас полдень, работяги давно на трудовой вахте, я же до этого времени давил подушку.

Начинает бухать еще один отбойник, затем включается лебедка, поднимающая снизу серый грунт. Котлован глубокий, метров пять ниже уровня земли, так что хозяева оранжевых касок выдают на-гора грунт с помощью лебедки, а чтобы вылезти, пользуются лестницами. Однако смотреть на землекопов не тянет. Я цепляюсь взглядом за дно золотой лодки, что призывно сияет на горизонте, и думаю о том, как пойду в Старый город. Подумаешь, война! Этот город видел столько войн, завоевателей, смертей и т. п., что еще одним конфликтом его вряд ли удивишь. Но вначале надо подкрепиться.

Завтрак я проспал, остается уповать на обед. Это слово Моше опознает быстро и указывает на часы, мол, надо подождать. Сколько ждать? В глазах хозяина мелькает беспомощность, затем он хлопает себя по лбу и пишет на бумаге цифру 13. Ага, значит, скоро. Вопрос о стоимости задаю на английском и вскоре вижу еще одну цифру – 50.

– Шекелей? – уточняю.

– Шекель, шекель! – радостно кивает Моше. Он лысоватый, грузный, но живой, и мне хочется продолжить общение. Когда с помощью жестов и моего «пиджин инглиш» задаю вопрос насчет стройки под окном, Моше закатывает глаза в

потолок. А затем, наклонившись, с тревогой произносит:

– Они строить отель! Биг отель!

– И что? Это плохо?

– Плохо! Бэд! Вэри бэд!

Ну да, в таком случае клиентура «хавере» не светит...

Вскоре оказываюсь в небольшой обшарпанной столовой, где получаю пару салатов и блюдо из курятины. Отправляюсь за стол, пробую курицу – вроде съедобно. Но лишь приступаю к обеду всерьез, как в коридоре начинают бухать шаги, и помещение заполняют люди в касках. Три, семь, десять – их так много, что все столы (коих немного) оказываются заняты. Каски укладываются на подоконник, рабочие куртки определяются на вешалку, но все равно они пыльные и грязные, эти работяги с котлована.

Курица застревает в горле, будто подавился костью. Это мои соседи?! И я каждый день буду их видеть?! В основном тут мужчины среднего возраста, смуглые, с черными глазами и черными волосами, слегка припорошенными серой пылью. Они тоже не обрадованы появлению чужака, об этом говорят сумрачные взгляды, коими меня окатывают. А поскольку аппетиту обстановка не способствует, салаты и курятина оказываются съедены наполовину, я даже кофе не заказываю (решаю: выпью в городе).

Взгляд Моше исполнен угодливости. Ну как, читается в его глазах, наша кухня? Если хочешь – можем кошерным угостить, можем сварганить чего-нибудь а'ля рюсс, глав-

ное, гони шекели. Хотя это, возможно, лишь моя фантазия, порожденная неожиданным (и малоприятным) соседством. Сам выбрал эту «хаверу», прельстился на расположение и дешевизну, значит, сам и виноват.

Перегнувшись через стойку, Моше указывает в сторону столовой и шепотом произносит:

– Араб! Они строить отель!

Я с унылым видом киваю. Предупреждать надо о таких вещах, друг Моше. Вывешивать на сайте информацию, мол, под окнами отбойники стучат, а за обедом, дорогой клиент, ты будешь пыль глотать. Но все это я проговариваю мысленно; скажи такое вслух – наткнешься на «языковой барьер».

Перед выходом сую в карман объемистый (с учетом намеренных шекелей) бумажник с наличностью и паспортом. Ну, нет доверия к соседям! Да, они не давали повода сомневаться в их порядочности, но не дожидаться же, пока дадут!

До Старого города отсюда минут десять пешего хода, что очевидный плюс. Минусом можно счесть военных перед Яффскими воротами. На груди у рослых парней в камуфляже – автоматические винтовки М-16, и каждого, кто входит внутрь, патрульные (часовые?) ошупывают глазами. Вот линию ворот пересекает группа черноволосых и черноглазых, похожих на моих соседей-строителей, и их тут же останавливают. Следует краткий диалог, во время которого черноволосые бурно жестикулируют, патрульные же деловито шмонают сумки визитеров. Ни бомб, ни иного оружия не нахо-

дят, это явно мирное арабское семейство, но тревога, поселившись в груди, не отпускает.

Внезапно вспоминаю, как Жанна, жена Давида, во время очередной интифады (года три назад, кажется) провожала на автобус подругу. Они обнялись на прощанье, приятельница помахала рукой из окна и уехала в Тель-Авив. А Жанна отправилась домой. Но не успела и сотни метров пройти, как за спиной грохнуло так, что в домах посыпались стекла. Как позже выяснилось, бомба рванула аккурат на той площадке, откуда отошел тель-авивский рейс. Итог – два трупа, куча раненых, так что вывод однозначен: нельзя быть беспечным! Нельзя терять бдительность!

Каменные плиты мостовой истерты миллионами подошв и наверняка помнят средние века, а может, и древний мир. И светло-коричневые известняковые стены помнят, и узкие оконца, и купола церквей, что мелькают в прогалах между строениями. Я же помню о том, что в людскую толчею может запросто затесаться некто с горящим фанатичным взглядом. Перебирающие под широкими одеяниями четки, руки фанатика в нужный момент сомкнут провода – и привет: очищайте стены от налипшего мяса, успокаивайте плачущих матерей. Что, разве такого не бывает?

Перевернутая золотая лодка не успокаивает, напротив – внушает тревогу. Мечеть на месте священного Храма – это же постоянный раздражитель, причина вечной тоски в еврейских глазах. Потому и плачут они у Стены Плача, за ней

ведь их главные святыни, включая пресловутый краеугольный камень. По преданию, сей феномен находится именно в основании мечети Омара, а какой сын (или дочь) Сиона вытерпит подобное надругательство? Вот и не вытерпели, очистили от векового мусора туннель Хасмонеев, идущий к подземной части мечети, и теперь, говорят, водят страждущих посмотреть на кусочек этого камня...

Новый всплеск тревоги возникает, когда, оставив в Стене Плача записочку, перемещаюсь к мусульманскому кварталу. Здесь военных патрулей столько, что от цвета хаки рябит в глазах. Местные обитатели, двигаясь поодиночке или группами, бросают неприязненные взгляды на вооруженных парней с автоматами, готовых, как видно, к любому повороту дел.

Успокоение наступает лишь в Храме Гроба Господня. Внутри наблюдаю людское клубление такой интенсивности, коей не увидишь в питерском метрополитене даже в час пик. Кажется, тысячи (десятки тысяч?) людей набились в не столь уж огромное культовое здание, дабы обрести благодать, и теперь продираются сквозь плотную массу себе подобных к вожделенной Кувуклии – часовне над пещерой. Закручиваясь вокруг нее спиралью, людская толпа обретает здесь плотность шпротов в банке. Очередь движется не быстро, и не все выдерживают: вон плачущего ребенка выводят за ограждение, а вон женщина с бледно-синим лицом, пошатываясь, отходит и усаживается на скамью...

Хватит ли сил на подвиг? Пребывая в сомнениях, трусь у стены, где толчея меньше, и тут перед глазами возникает некто смуглый и усатый. Слышу вопрос на английском, затем вопрошают на языке родных осин:

– Русский, да?

Я часто киваю головой, мол, йес.

– Туда хочешь?

Следует жест, указующий на часовню, и вновь моя голова приходит в движение.

– Буду выручать! – хлопают меня по плечу.

Наверное, это волшебник, пусть и явно арабского происхождения. Он сейчас придумает какой-нибудь ковер-самолет из книжки «Тысяча и одна ночь», или даст в руки волшебную лампу Алладина, благодаря которой я не буду торчать несколько часов в очереди, вдыхая запахи потных тел и страдая от нехватки кислорода, а попаду напрямиком внутрь.

– Пятьдесят! – сообщают заговорщицки.

– Шекелей? – уточняю.

– Почему шекель?! Доллар!

Волшебник моментально превращается в коммивояжера. Но мне, как ни странно, этот «гешефт» по душе. Пока кто-то чем-то торгует (пусть даже святынями), он не будет никого убивать.

Затем накатывает стыд. Как можно рассчитывать по благу попасть туда, где лежал самый великий страдалец всех времен и народов?! Имей совесть, пострадай хоть на одну ты-

саячую от Его страданий, тогда, быть может, что-то почувствуешь!

Спустя два часа я так и не понял, почувствовал ли. Очередь оказалась маленькой Голгофой, так что к финалу я был никакой, с притупленными эмоциями и кругами, что плавали перед помутневшим взором. Я знал, что спустя время эмоции вернуться, я что-то вспомню, но в момент выхода из пещерного храма в голове царил сумбур вместо музыки сфер.

Уже в сумерках, выйдя из тех же Яффских ворот (где по-прежнему дежурят автоматчики), натыкаюсь на молодого рослого хасида. С завивающимися колечками пейсами, в широкополой шляпе и выглаженном лапсердаке, он дружелюбно улыбается, глядя на меня.

– Здравствуй, родной, – говорит нежным голосом на чистейшем русском.

– Здравствуйте... – отвечаю растерянно.

– Как здоровье?

– Спасибо, не жалуясь...

– Как семья? Не болеют?

– Пока не...

– И не должны болеть! Дай-ка правую руку!

Ловким движением он обматывает мою кисть толстой красной ниткой и завязывает ее на узел.

– Неделю не снимай! – говорит, склонившись к уху. – Тогда семья болеть не будет! Хотя... Этого недостаточно.

– Что еще нужно?

Хасид протягивает узкую белую ладонь.

– Вот сюда надо денежку положить. Это на синагогу.

Пожав плечами, достаю мелочь и высыпаю в ладонь.

Улыбка моего благодетеля становится печальной.

– Ты не понял, родной. На синагогу нужна бумажная денежка.

Еще один обладатель пейсов и шляпы, на голову ниже моего, приближается, чтобы с не менее печальным видом поддакнуть:

– На синагогу – бумажная, брат...

У них вид людей, которые всеми силами хотят сэкономить мои средства, но высшие силы не позволяют мелочиться ни им, ни мне. Что ж, сказал «а», говори «б», то есть, доставай двадцатку и отдавай этим прохвостам.

– Где языку-то учились? – спрашиваю на прощанье.

– В Черновцах, – смиренно улыбаются прохвосты. – Не приходилось бывать?

– Бог миловал. Или как по-вашему? Б-г миловал? И все-таки в мое сердце опять сходит покой. Не бойся войны, говорю себе, не бойся смерти, это цивилизация бабла, шекели-доллары-рубли рано или поздно примирят всех.

С трудом обретенное душевное равновесие колеблет поздний звонок Давида. Тот, как всегда, юморит, интересуется впечатлениями, но в голосе прорывается скрытая тревога. Что случилось? Да ничего, просто Борькину часть к сек-

тору Газа перебрасывают.

– И что?

– Возможно, будет сухопутная операция. А это мясорубка, сам понимаешь...

Я плохо понимаю, из-за чего будет мясорубка, но приятелю безоговорочно верю. Вот только не могу представить «Борюсика» (так его называли в семье) в роли бойца Армии обороны Израиля. Застенчивый восьмилетний пацан, игравший на фортепьяно – таким я помнил сына Давида, – никак не ассоциировался с парнями, у которых на груди М-16, а под формой – бронежилет.

– А как он сам к этому относится? – спрашиваю. Давид хмыкает.

– Сам-то? Рвется в бой, прямо Иуда Маккавей! А Жанка с мамулей успокоительные глотают...

И телевизор хоть не включай, там сплошь танки «Меркава» и установки «Железный купол», что сбивают (надо же!) до восьмидесяти процентов выпущенных кассамов. Но ведь двадцать куда-то долетают! Да, самопальный снаряд не имеет системы наведения, его можно уподобить пуле-дуре, однако случайной жертве от этого не легче. И кто сказал, что системы наведения дают гарантию безопасности? Вон, по Давиду три месяца назад свои пульнули так, что пришлось кувыркаться, уходя из-под огня...

Эту историю я знал в мельчайших подробностях: она была рассказана по скайпу Жанной (Давид в этот момент ле-

жал в госпитале), затем «виновником торжества», а после ее повторили оба супруга, страстно споря по ходу. Когда к ним в редакцию заявили чешские телевизионщики и попросили сопроводить их на территории, начали искать сопровождающего. И лучше Давида никого не нашли, потому что а) имеет машину, б) говорит по-русски, как и чехи, в) прежде, чем попасть в газету, работал на территориях охранником. Тогда вместо «Мазды» была малолитражная «Субару», но чехи вместе с оборудованием кое-как в нее втиснулись, и Давид повез съемочную группу навстречу приключениям. Чехи просили остановиться здесь, подъехать туда, снимая азартно и увлеченно. Они давно съехали с трассы, пробирались по бездорожью, вздымая тучи пыли и постепенно утрачивая бдительность. А в тех местах, если дислоцированные там военные опознают в тебе «нарушителя конвенции» – мало не покажется. И по ним таки пульнули, посчитав тучу пыли (машины было почти не видно) чем-то крайне угрожающим. Давид вовремя заметил выпущенную ракету «земля-земля», однако увилить пришлось таким маневром, что «Субару» несколько раз перевернулась через крышу и замерла колесами кверху.

– Жертва дружественного огня! – скалил зубы приятель, демонстрируя на скайп-сеансе загипсованную по плечо руку. Увы, смешного тут было мало. Эта земля неспокойна, она может загореться под ногами в любую минуту, так что лучше выключить новости и постараться уснуть.

Только как уснешь, если под дверями номера то и дело бухают шаги? Мои соседи в своих тяжелых ботинках ходят мимо двери то поодиночке, то компаниями, причем возбужденно переговариваясь. А тогда подушку на голову, чтобы провалиться в очередной беспокойный сон...

3.

Последующие два дня проходят в том же режиме. На улицах встречаются (слишком часто!) вооруженные люди, телевизор вещает тревожными голосами, а котлован постоянно углубляется. Пройдя слой серой земли, арабские землекопы внедряются в краснозёмы, соответственно, цвет пыли на их робах так же меняется. Теперь, когда они приходят на завтрак или обед, с одежды сыплется на пол мелкая красноватая пыль, вроде как высохшая глина. Моше недоволен красной пылью, как ранее был недоволен серой, поэтому он регулярно посылает в столовую горничную со щеткой и совочком, чтобы та убиралась. А возле ресепшн, бывает, и сам хозяин «хаверы» подметает, бормоча под нос ругательства на иврите. Как я понял, у Моше договоренность с фирмой, ведущей стройку: те обеспечивают наполняемость в туристическое межсезонье, он же создает приемлемые бытовые условия. Видно, что создавать условия ему в лом, но гешефт – и в Африке гешефт, и в Иерусалиме.

Поначалу безлика, арабская бригада начинает распа-

даться на отдельные атомы. Кто-то из них ведет себя шумно, вызывающе, и грязнит в общепите без зазрения совести, чуть ли не нарочно. Кто-то, напротив, деликатен и свою робу даже на вешалку не помещает – оставляет у входа. Одному нужны лишь компаньоны за столом, с которыми можно всласть побазарить, другой облизывает взглядом горничную, что нагибается во время уборки, обозначая рельефные бедра под длинной юбкой. Ну и ко мне, похоже, единственному европейцу в этом богоугодном заведении, отношение разное. Для большинства уже на второй день я делаюсь чем-то вроде мебели – стола или стула. Но есть и такие, кто тарачит на меня сумрачные черные глаза, и думу думает наверняка не светлую. Особенно неприятен один, с густыми черными усищами и прихрамывающий. Этот буквально сверлит меня взглядом, что заставляет усаживаться к нему спиной и пробуждает запрятанные в подсознании суеверия относительно хромых, косых и рыжих.

Атомы сливаются в целое лишь вечером, когда работяги смотрят телевизор в холле, рассевшись на креслах и сосредоточенно вперившись в экран. Реакция у них одновременная – то страстно переговариваются, то вдруг замирают в дружном тягостном молчании. И хотя я ни бельмеса в их языке, и так все понятно. Они – часть единого организма, клетки большого национального тела, я же тут жалкий отщепенец, заброшенный на чужбину. Да, в этой земле таятся корни трех религий, она вроде как общая и должна быть, по идее,

самой нейтральной на планете. Но это в теории, практика беспощаднее, она делит на своих и чужих, что привычнее для грешного человека...

В один из вечеров арабы собираются у моего номера и начинают возбужденно беседовать. Голоса за дверью гудят, порой срываются на крик, и тут, будь ты храбрец из храбрцов, поневоле струхнешь. Что у них на уме – один аллах знает, а дверь, между тем, деревяшка в сантиметр толщиной! Один удар строительного сапога, и в комнату врывается толпа фанатиков, чтобы... «Стоп-стоп! – говорю себе, – С чего ты взял, что рядом с тобой живут фанатики?! Это обычные люди, они зарабатывают денежки, чтобы кормить семьи где-нибудь в Рамалле или Хевроне!» Но здравый смысл не гасит тревогу, она иррациональна, ее причины – в той самой старине глубокой, в стихии вековой вражды. И я, подчиняясь стихии, набираю по внутреннему телефону хозяина.

– Проблема? – участливо вопрошает Моше.

– Да, проблема! Я хочу переселиться в другой номер!

– Что? Не понимаю...

Блин, забыл про «языковой барьер»... Что ж, придется идти на прорыв. Выждав пару секунд, открываю дверь, за которой несколько работяг о чем-то спорят, оживленно жестикулируя. Прорезаю группу, как нож масло (пока те приходят в себя), и – к ресепшн. Теперь набрать на мобильнике носителя языка, объяснить в двух словах суть, затем сунуть телефон хозяину, мол, решай «проблему», Моше!

Минуту-другую тот кивает, иногда вставляя встречный вопрос. Диалог завершается обнадеживающим «беседер», трубку протягивают назад, и я слышу голос Давида:

– Будешь жить на другом этаже. Хотя, думаю, это ложная тревога.

– Это тебе оттуда так кажется! А я считаю: лучше перебдеть, чем недобдеть!

– Ну, бди, бди...

В тот же вечер переезжаю с третьего этажа на четвертый. И пусть комната в полтора раза меньше, и кровать жестче, зато под дверью – тишина.

Утром за окном тоже непривычная тишина. Почему, интересно, замолчали отбойники? Выхожу на балкон (он тоже значительно меньше) и вижу внизу скопление незнакомых людей и шеренгу автомобилей. Приехавших едва ли не больше, чем арабских рабочих, выделяющихся в толпе оранжевыми шлемами. Одетые в основном в черные костюмы и с хасидскими шляпами на головах, гости торчат у края котлована, вытягивая шеи и стараясь заглянуть на дно. Оно уже желтое (арабы достигли следующего слоя), лишь в самом углу виден выход черной породы, разительно отличной от остального грунтового разноцветья.

Когда возвращаюсь с очередной прогулки, котлован все так же окружен толпой, и какие-то люди копаются в том месте, где выходит необычная порода. Работяги не при делах, сидят в сторонке и сосредоточенно курят, положив рядом

каска.

Моше не может объяснить ситуацию – не хватает словесного запаса. Он лишь закатывает глаза в потолок, после чего с отчаянием произносит:

– Араб не работать! Араб уехать! А шекель?!

На следующий день неожиданно прибывает Давид и, возбужденный, бросается на балкон.

– Почему приехал? Потому что тут пахнет сенсацией. То есть, это наверняка ложная сенсация, но газете все равно.

– Как это – все равно?!

– Главное, привлечь внимание. А правда в основе или чушь собачья – мало кого колышет...

С этими словами он достает фотоаппарат и делает несколько кадров. Мельтешение внизу еще интенсивнее, опять набегает публика в лапсердаках и шляпах и, обступив котлован, с любопытством (явно нездоровым) в него таращатся.

Я требую объяснений и вскоре понимаю: тут вроде как обнаружен пресловутый краеугольный камень, с которого началось сотворение мира, и на котором мир и держится. Точнее, слух такой пошел среди религиозных ортодоксов, потому они тут и трутся, даже археологов пригласили. А работы, понятно, приостановили.

– Постой, постой! – говорю, удивленный, – Но ведь камень, по преданию – под мечетью Омара!

– Вот именно – по преданию. Нет об этом ничего в Торе,

ясно тебе? «И сказал всемогущий: да явится суша», а более ничего. Про камень вещает устная Тора, да еще мусульманские апокрифы. А это вилами по воде, сам понимаешь.

Когда спускаемся вниз, к котловану не подобраться, он весь облеплен людьми. Черные одеяния ортодоксов соседствуют с обычной гражданской одеждой, даже несколько военных пришли. Из-за людских спин доносятся сердитые выкрики, затем толпа расступается, и становится видно, как вокруг ямы в земле устанавливают ограждение. Еще бы – уже метров семь грунта выбрали, туда угодишь – целым вряд ли останешься!

– И у вас такое возможно?! Кто-то пустил слух, явились эти ваши хасиды, позвали археологов... Бред какой-то!

– А вот такая мы страна! Война, опять же, когда очень хочется чудес... О, знакомое лицо!

Давид ныряет в толпу, чтобы вскоре вернуться.

– Это Левка Дымшиц, он минералогией занимается. Говорит, там вулканическая порода обнаружилась. Вокруг – осадочные породы, а тут черный камень, который даже взрывчаткой хрен возьмешь! Будут, значит, возраст этой породы определять...

Только теперь вспоминаю, что должен ехать в Вифлеем. Экскурсия оплачена, и я, конечно, поеду: здесь чудо под большим вопросом, а вот там необычное существует однозначно.

– Езжай, езжай. А я здесь останусь.

– Веришь в сенсацию?

– Верить надо в Б-га – если он есть, конечно. У меня задание редакции: написать об этом феномене. Ключ от номера оставишь? С моей рукой отдохнуть в тишине и покое – не помешает.

Я тут же отдаю ключ.

– Что хирург-то решил?

– Резать... – вздыхает Давид, – Так сказать, не дожидаясь перитонита. Уже две операции было, теперь третья светит, иначе конечность не заработает.

Первое незабываемое впечатление по пути в Вифлеем – стена, отделяющая Западный берег реки Иордан. По высоте она вполне сопоставима с Великой Китайской, и точно так же бессмысленна. Какой резон вкладывать гигантские деньги в сооружение, через которое запросто перелетает самопальный реактивный снаряд?! Ну да, из Хеврона пока не шмаляют по израильским городам, но это ведь пока!

Экскурсовода Асю, болтающую без умолку, слушаю вполуха. Девушка сразу призналась: она – одесситка, что, судя по стремительному речевому потоку, чистая правда. Ася тараторит про отделение Иудеи и Самарии, про Шестидневную войну, про строительство этой многокилометровой загородки – видно, что пособия проштудировала. Речь сбивается и замолкает лишь перед КПП, в момент передачи группы экскурсантов «из рук в руки».

– Нам за стену нельзя... – говорит девушка с обидой, –

Надо же: гражданин Израиля туда даже на часок не может попасть!

– Но это вроде арабское государство... – неуверенно возражает некто информированный.

– Это спорная территория! – моментально парирует Ася, опровергая истину, дескать, бывших одесситов не бывает. Еще как бывает – вот ты, девушка, уже проросла корнями, и готова до хрипоты спорить с любым, кто посягнет на твою новую родину...

Вспыхнувшая полемика затихает сама собой.

– Ладно, вон подъехал Гасан, – говорит Ася, – Теперь он ваш гид. Он, конечно, будет говорить иначе, но я абсолютно права, слышите?!

Гасан тоже какой-то «бывший», во всяком случае, на великом и могучем изъясняется прилично. Он пересчитывает группу, после чего указывает на другой автобус, в который надо перейти. Рассаживаемся, едем, но вместо вожделенного места рождения Спасителя почему-то оказываемся в ювелирном магазине.

Продавщицы сразу начинают «танец живота» вокруг посетителей, дабы те расстались с шекелями, принеся посильную жертву на алтарь бога торговли. Есть ли у арабов бог торговли? Понятия не имею, возможно, нет. Но жертвы приносятся, в основном особами женского пола, не имеющими сил устоять перед блеском золота-серебра.

Пока большинство толпится у прилавков, выхожу на пе-

рекур. Туда же выкатывает Гасан, засовывая в карман купюру (не иначе, комиссионные за клиентов). Он тоже вытаскивает пачку сигарет, чиркает зажигалкой и приближается ко мне, чтобы поинтересоваться: откуда, мол? Я отвечаю, и тут же следует встречное откровение:

– А я в Ростове учился. Бывал там?

– Проездом.

– Хороший город!

– Но здесь, наверное, лучше?

– Здесь? Лучше. Но здесь война. Братья воюют – там, в Газе...

Он машет рукой куда-то в южную сторону, и в глазах, и без того темных, сгущается тревожный сумрак. Западный берег Иордана де-юре не воюет, война идет де-факто. Она в душах, в глазах, и никто не гарантирует, что вон тот бородатый оборванец не таит в своем мешке пару кэгэ тротилового эквивалента. Оборванец приближается, запускает руку в мешок, и я инстинктивно напрягаюсь.

Из мешка (о, счастье!) вынимают икону Богородицы. – Десять шекелей! – произносят по-русски.

Я в растерянности.

– Сто рублей! – озвучивают обменный курс.

– И за рубли можно?! – оборачиваюсь к Гасану. Тот кивает, а ко мне уже тянут грязноватую ладонь:

– Давай деньги!

Артефакт явно халтурный, сделан на скорую руку, но воз-

возможность отовариться за «деревянные» делает меня стоворчивым. Да и вообще бог торговли, чей бы он ни был, нравится мне больше, чем бог войны. Пока торгуют, пушки молчат, и кассамы не взлетают в небо, чтобы рухнуть на чьи-то безвинные головы...

Торгуют, как выясняется, и местами в очереди, что тянется от самого входа в храм. Очередь длиннющая, стоять в ней, по признанию Гасана, надо несколько часов. Но есть ли у нас эти часы?! Нету, ведь мы организованная группа, каковая должна еще успеть на Масличную гору. Поэтому мы входим в некую волшебную калитку в правом приделе, чтобы вскоре оказаться совсем близко к лестнице, ведущей в святая святых.

– Стоим здесь, – вполголоса говорит Гасан. – Тут еще две группы впереди, ждать надо...

Я вспоминаю деятеля, предлагавшего за полста баксов пройти без очереди к месту упокоения Христа. Получается: все-таки воспользовался блатом, поимел халяву, пусть и не по своей воле, а коллективно.

– Мы что-то должны? – вежливо осведомляюсь у гида. Гасан удивленно на меня смотрит, затем машет руками:

– Нет-нет, мы договорились! Не надо деньги!

И на том спасибо. Мы топчемся на месте, озирая убранство храма – не самого красивого, быть может, зато весьма особенного. Вперед продвигаемся не быстро, успокаивает лишь то, что общая очередь движется еще медленнее. Пер-

вые «блатные», наконец, сходят вниз, и перед нами лишь группа пожилых бодрячков, судя по разговору – англоязычных.

– И здесь американцы... – слышу справа недовольный голос. – Куда ни приедешь – везде они!

– Может, это англичане? – высказываю предположение.

– Какие англичане?! На морды посмотри! Америкосы, к бабке не ходи!

Получается, мы попали в один привилегированный поток с властителями полу-мира? Это греет самолюбие, хотя до их самоорганизации нам, пожалуй, далеко. Сзади напирает еще одна группа, проскользнувшая через волшебную калиточку, мы тесним американцев, и те занимают круговую оборону. Мужчины в группе пусть седовласые, зато крепкие, рослые, со здоровым загаром на лицах, и вполне умеющие за себя постоять. Они встают плечом к плечу, сцепляясь локтями. Живая стена, за которой находятся немногочисленные женщины (тоже бодрые пенсионерки), и пробить эту стену не может даже пронырливый Гасан.

– Слушай, дай пройти! – горячится гид, только без толку. Это генетика – так стремившиеся на Запад переселенцы выстраивали ограждение из повозок-фургонов, обороняясь от кровожадных индейцев. Уместность обороны под вопросом, но эффективность не подлежит сомнению: пока американская группа не сошла к яслям Спасителя, туда не проскользнула ни одна живая душа.

«Человеческое, слишком человеческое» в очередной раз мешает почувствовать что-то крайне важное. Выход из храма, жаркое солнце, бьющее прямо в темечко, и острая жажда. Я плетусь к киоску, где продается вода, выпиваю одним махом полбутылки, после чего, ослотившийся, тупо внимаю выкрикам уже знакомого торговца:

– Десять шекелей! Сто рублей! Десять шекелей!..

По возвращению хочется отдохнуть от жары (ноябрь, а так печет!). Только фиг отдохнешь, когда пахнет сенсацией, и возле ямы в земле уже выставлено оцепление из людей в камуфляже. Возбужденный народ, тем не менее, напирает, и военным приходится сцепляться локтями – прямо как американским «ковбоям» в храме.

– Вернулся? А тут такое происходит... Ага, палестинцы явились!

Давид вытащил на балкон стул, поставил пепельницу и расчехляет (видно, не первый раз) фотоаппарат. В объектив попадают люди с клетчатыми «арафатками» на головах. Они приближаются к оцеплению, ведут переговоры, но военные стоят стеной – в котловане копошится несколько человек, надо полагать, ученая братия.

– Что ж, репортаж будет классный... Но как об этом написать?! Не поверят же!

Когда азарт отпускает, становится видно: Давид в недоумении.

– Дымшиц звонил. Сказал: порода какая-то уникальная,

тут таких минералов отродясь не водилось. Откуда, спрашивается, этот взялся?!

– Как откуда?! – отвечаю ехидно, – Сам же говорил: краеугольный камень, с него началось сотворение мира! А потом из него эти самые смастерили... Скрижали Моисея!

– Да ладно тебе! – машет Давид рукой. Что любопытно – правой рукой, которая у него либо висела, как плеть, либо на шейной подвязке болталась. Видно, настолько возбудился, что даже про боль забыл – вот и фотографии делает, используя обе «конечности».

– Я еще про возраст спросил... Они, конечно, полноценный анализ быстро не могут провести, но по предварительной оценке – возраст ого-го! Так что не зря я говорил: тебе повезло!

К реальности возвращает звонок из дому. Звонит Жанна, и, судя по выражению лица Давида, известия не веселые.

– Хорошо, скоро буду.

Помрачневший, он зачехляет фотоаппарат.

– С Борькой что-то случилось? – не выдерживаю я.

– Нет, с ним все в порядке... Ракета упала на стоянку, что за нашим домом. Две машины сгорели напрочь, хорошо, людей внутри не было. Но она все равно боится, просит вернуться поскорей.

Уже на улице, усевшись за руль, Давид с виноватым видом говорит:

– Я тут вниз спустился, Левка через оцепление провел. И

вдруг такое чувство охватило у камня... Странное чувство, скажу тебе. Почему-то вспомнилась цитата из одного умного человека: «На глубине бытия зла нет...» С чего бы это?

Я пожимаю плечами. Меня пока не охватывали подобные чувства, – а хочется!

– Ладно, это чушь. К нам когда соберешься? Не настаиваю – сам видишь, что происходит. Но если надумаешь – приезжай!

К ночи напор страждущего народа ослабевает. Кое-кто остается на стройплощадке, задремывает, усевшись на кучу грунта; только военные бдят, прохаживаясь вдоль ограждения. Я выкуриваю одну сигарету, другую, но уходить с балкона не хочется. Усиленно таращусь вниз и вскоре начинаю различать в полутьме вроде как свечение. Причем именно в той части ямы, где вылез пресловутый камень! Я протираю очки, вглядываюсь вниз, перегибаясь через перила, и в этот момент оказываюсь замеченным.

Следует жест военного, мол, уходи с балкона! Делаю вид, что не понял намека, но, когда с плеча снимают М-16, удобнейшую обзорную площадку приходится покинуть.

Утром режим «комендантского часа» отменяется, я могу хоть кофе пить на балконе, хоть загорать. Но не делаю ни того, ни другого, потому что замечаю в толпе Гасана и тут же решаю спуститься. Разыскав гида, хлопаю его по плечу, как старого знакомого.

– Это вы?! А что вы тут...

– Живу я здесь. Причем очень удобно – вон там!

Гасан смотрит на мой балкон, затем вертит головой.

– Я одного человека привез. Очень мудрый человек! Мулла!

Найдя мудреца, одетого в длинную рубаху до пят, Гасан что-то страстно ему говорит, указывая на мой балкон. Ай, молодца, на ходу подметки режет! Мулла, однако, отрицательно качает головой и, в свою очередь, тычет рукой в сторону котлована.

– Не хочет сверху... – вернувшись, с сожалением говорит Гасан, – Хочет вниз спускаться, чтобы след увидеть.

– Какой след?!

– Он говорит, с этого камня пророк на небо поднялся. Но камень не хотел расставаться с пророком и стал подниматься вместе с ним. Тогда ангел Джибраил придержал непослушную скалу, и на ней остался след его руки.

– Руки ангела?!

– Ага. И трещина на камне осталась... Но видишь, что делают? Не дают смотреть!

Гремучая смесь из фактов, верований, мифов уже распирает мою черепную коробку. Кажется, дыра в земле, которую столь тщательно охраняют, и столь рьяно исследуют, ведет к центру планеты. Именно, там, «на глубине бытия», должны быть получены ответы на последние вопросы. Тайна жизни и смерти раскроется, и люди, вернувшись обратно, принесут на блюдечке с каемочкой нам, обитателям поверхности, ре-

цепт всеобщего благоденствия...

4.

На следующий день решаю ехать в Беэр-Шеву. На моей стороне теория больших чисел: если даже среди коренного населения число жертв исчисляется единицами, то вероятность падения кассамы на мою грешную голову ничтожно мала. И все же на подъезде к столице Негева я из-за автобусного стекла тревожно озираю горизонт. Где ваши «Железные купола», господа из Армии обороны? Дайте гарантию мирного неба над головой, хотя бы на ближайшие дни!

В автобусе много молодых парней и девушек в армейской форме. На их лицах не видно тревоги: кто-то говорит по телефону, кто-то общается с соседом, кто-то погрузился в свой гаджет. «Учись! – говорю себе, – Совсем дети, а какая выдержка! Какое самообладание!» Я автоматически выискиваю взглядом «Борюсика», хотя понимаю: вряд ли он окажется здесь. Во-первых, его часть расположена где-то на юге, в пустыне Арава. Во-вторых, она может быть давно передислоцирована в район Газы. Ну, а в-третьих, я, скорее всего, просто не узнаю юного пианиста, которого не видел более десяти лет.

Беэр-Шева встречает сигналом воздушной тревоги: тягучий вой заполняет улицы, ускоряя движение транспорта и гоня людей в убежища (у кого они есть). Встретив меня на

автовокзале, Давид топит газ, мы гоним к дому и, припарковавшись, быстрым шагом поднимаемся в квартиру. Где видим Жанну, у которой в одной руке болонка, в другой – баул с вещами.

– Привет. – говорит озабоченно, – Извини, целоваться позже будем, надо быстрее вниз.

Они с Давидом смотрят друг на друга.

– У нас проблемы? – осведомляется мой друг.

– А как же! Она опять не хочет в убежище!

– Понятно...

Давид открывает одну из дверей.

– Мама, почему вы не хотите в подвал?!

– Я тебя умоляю, Додик! – доносится старушечий голос. – Если бомба влетит сюда, вам будет счастье!

– Почему, мама?!

– Одной нахлебницей станет меньше!

Приблизившись к дверному проему, заглядываю внутрь, чтобы увидеть Сару Львовну, сидящую в кресле и укрытую клетчатым пледом.

– Здравствуйте! – машу рукой из-за плеча Давида. Сара Львовна надевает очки, всматривается, затем всплескивает руками.

– Ой, не могу! Зачем ты сюда приехал?! Ты видишь, что здесь творится?!

– Мама, вам нужно спуститься вниз! – раздраженно произносит Давид.

– А вам с Жанной нужно купить себе мозги! Когда вы меня увозили, говорили: тебе будет покой. И где мой покой?!

Компромиссом служит переезд главы семейства прямо в кресле от окна вглубь комнаты. После чего мы вместе с собакой спускаемся на несколько пролетов и оказываемся в небольшом полуподвальном помещении.

– Недурственно... – озираю выбеленную комнатку с ковролином на полу. Слева в углу вижу штангу и велотренажер, справа – электрическое пианино Yamaha.

– Это Борька устроил тут спортзал. А заодно музыкальную студию оборудовал.

Болонку по кличке Тошка опускают на пол. Пока собака исследует помещение, Жанна достает из баула бутерброды, а Давид извлекает из шкафчика водку.

– И кто же ее туда поставил? – интересуется супруга.

– Дед Пихто! – отвечает супруг. – Стратегический запас – на случай затяжных военных действий.

Свиста ракет не слышно, за небольшим зарешеченным окошком сияет солнце, так что тревога кажется напрасной. Но лица супругов напряжены, даже выпивка не снимает напряжения. Разговор не про нас – переживают за старых и малых. Сара Львовна упорно игнорирует требования гражданской обороны, а сын так вообще сторонник сухопутной операции, дескать, только она решит проблему терроризма окончательно и бесповоротно!

– Так их отправили все-таки в Газу?

– Слава богу, нет, – отвечает Жанна. – Надеюсь, все утихнет скоро.

– Ага, утихнет, – отзывается Давид. – А потом опять начнется!

Он разливает водку по пластиковым стаканам.

– Странно все это. Вот я лично не могу сказать: это – моя война. А Борька может. Он ведь даже в языке спотыкается, но за страну порвет любого. Только рвать и метать бессмысленно, это тупик. Ну, давай!

Выпив, Давид усаживается за электропианино.

– Боря сам на него заработал, – говорит Жанна с гордостью. – Они со школьной группой концерты платные давали!

– Давали, ага. Только теперь ему не до музыки. Ладно, что бы такое вспомнить, соответствующее моменту... А-а, вот!

Он начинает бить по клавишам:

– По Голгофе бродит Будда и кричит: аллах акбар! Опа! Опа! И кричит: аллах акбар!

Болонка заливисто лает, Жанна зажимает уши.

– Прекрати ломать инструмент!

Вдруг замечаю: приятель музицирует (если это можно считать «музицированием») двумя руками. Жанна этого не замечает и буквально оттаскивает мужа от пианино.

– Знаешь, сколько оно стоит?!

– Знаю. Дорого.

– Дорого – не то слово!

Она поворачивается ко мне.

– Он совсем как ребенок. Все уши прожужжал про какой-то кирпич в земле. Его возле твоей гостиницы раскопали, да? Так он уже две статьи про это накатал! Нашел еще один повод впасть в детство!

– Хватит, а? Ты в этом не разбираешься!

– Ты у нас во всем разбираешься!

Тревога и впрямь оказывается напрасной, а может, «купол» сработал на все сто процентов. Мы мотаемся по окрестностям Беэр-Шевы, доезжаем даже до Мертвого моря, после чего собираюсь в обратный путь.

– Тебе сколько осталось? Три дня?

Оглянувшись на Жанну, Давид склоняется к уху.

– Я к тебе еще приеду! Только Жанке ни слова, хорошо?

Женщина – что она понимает?!

Я – не женщина, но с пониманием реальности тоже не ах. «По Голгофе бродит Будда», – вспоминаю, видя происходящее под окном. Солдаты оцепления уже отошли в сторонку и мирно курят, сняв с плеч тяжелые винтовки. А вокруг котлована совершает молебны разношерстная публика: тут хасиды с книжками в руках кланяются, будто заведенные, там падают ниц на расстеленные коврики палестинцы, а чуть в стороне бородатый православный батюшка помахивает кадилом. Вот еще делегация: католический священник в черной сутане привел за собой паству и теперь ищет местечко. А места-то заняты! Католики движутся по периметру котлована, вклиниваются между евреями и православными и тут

же начинают исполнять чин богослужения.

Только у лестницы, ведущий вниз, дежурит военнослужащий: котлован не такой уж просторный, надо следить за очередностью. На дне то черным черно, когда спускаются евреи либо христиане, то белым бело, когда настает черед арабских паломников. Ко мне на балкон отдельные слова не доносятся, слышно только разноязыкое: бу-бу-бу... Кажется, сама земля исторгает из себя некие словеса, вот только кто их разгадает? Кому по силам постичь тайну мироздания, которую несет в себе камень?

Это «водяное перемирие», впрочем, сопровождается бытовыми неудобствами. По гостинице слоняется разношерстный народ, наехавший из отдаленных мест, так что о покое приходится забыть («И где мой покой?!»). Народонаселение «Хаверы» резко возрастает, Моше веселеет, но постояльцам вроде меня от того одна головная боль. Теперь и на моем этаже то и дело гулко топают, хлопают дверями (в том числе ночью), так что к очередному завтраку выхожу совершенно не выспавшийся. Механически глотаю творог, выпиваю кофе и на выходе покупаю сигареты. А в номере вдруг обнаруживаю, что в кармане нет бумажника. Нераспечатанная пачка Pall Mall – вот она (значит, доставал деньги), а паспорт, электронный билет и шекели с долларами – йок!

Потерять в чужой стране (воюющей стране!) документы и деньги – что может быть хуже?! Быстренько обшариваю номер, затем вылетаю в коридор и едва не на карачках иссле-

дую метр за метром путь до столовой. Нету! Вхожу в столовую, озираю жующую публику, но на меня – ноль внимания. Одни сосредоточены, видно, все мысли о том, как они прильнут к святыне; другие о чем-то переговариваются, думаю, не о моей утрате. А тогда палочка-выручалочка одна – хозяин этого Ноева ковчега...

Подбежав к стойке, нелепо жестикулирую, тараторя что-то про утраченные «мани». Брови Моше ползут на лоб, затем он жестами показывает, мол, сделай звонок другу!

– Только этого не хватало... – слышу в трубке голос Да-вида. – Точно везде смотрел?

– Точно!

– И нигде нет?

– Нигде! Да его наверняка нашли, только разве отдадут?!

Мне очень жаль себя, безвинно пострадавшего, да еще утратившего веру в человечество. Как к вам относиться, люди?! Вы собрались тут молиться и падать ниц, но лишь попадаете на пути соблазн – сразу забываете про облик человеческий! Мимо ресепшн шествует знакомый хромец из строительной бригады, и хочется ткнуть в него пальцем – вот один из вас! Алчный, жестокий, нетерпимый, дай такому волю – он с ног до головы разденет, может, и того хуже: при-бьет!

Хромец тем временем тормозит, достает из кармана красную книжицу, смотрит в нее, затем на меня. Физиономия, подошедшая бы головорезу из фильма про пиратов, расплы-

вається в улыбке, и мне протягивают книжицу вкупе с бумажником.

– Да как же это... Ну, дела...

Ошарашенный, трясущий ладонь своего спасителя, но слов, как всегда, не хватает.

– О'кей?! – хлопает по плечу Моше, я же с идиотской улыбкой на лице развожу руками.

Арабские рабочие тоже вливаются в общее клубление вокруг котлована. Кто-то на день-другой исчезает, чтобы вернуться с женами, детьми, престарелыми родителями и, разумеется, с ковриками, которые тут же раскладывают на земле. По идее, строителям полагается бонус, все ж таки именно они откопали святыню, но никто не лезет вперед, все покорно стоят в длиннющей очереди, что тянется от Яффо через узкие улочки и дворы. В этой очереди несть ни эллина, ни иудея – все стоят вперемешку. И вниз спускаются согласно общей очередности, без конфессиональных различий. Вот спускают палестинского мальчика на инвалидной коляске, используя длинные веревки, а вот старик-еврей на носилках, он обездвижен и выглядит, скорее, трупом, нежели живым существом. Интересно, поможет ли ему камень? Встанет ли с носилок («талифа куми!») и пойдет ли на своих ногах?

Встать не встал, но оказавшись наверху, приподнялся и даже съел что-то с поднесенного блюда, отчего шляпы вдруг быстро закачались, вероятно, так родня старика благодарила Б-га. А что же мальчик? Ба, этот и впрямь пошел! Шатаясь,

при поддержке родителей, но коляска уже не требовалась!

Я утираю выступивший на лбу пот. Господи, что я делаю на этом балконе?! Почему я в роли наблюдателя, мне тоже надо в очередь, ведь такого шанса больше никогда не выпадет! Но тут на пороге возникает Давид, без объяснений тащит меня к машине и везет к какому-то адвокату.

– Зачем к адвокату?!

– Не зачем, а для чего. Свидетелем будешь!

Мы тормозим возле старого трехэтажного дома на Агрипас и вскоре оказываемся в уютной приемной с кожаными креслами. Я присаживаюсь, Давид скрывается за дверью кабинета, откуда доносятся возбужденные голоса. Спустя минуту из кабинета выкатывается толстячок с седыми вихрами на голове.

– Зачем ты поехал на этот курорт?! – хватается тот за вихры. – Кто тебя просил?!

– Да не был я на курорте!

– Ха-ха, хочешь парить мозги Скульскому? Скульский не идиот, он понимает, что делают грязи Мертвого моря!

– Да не было никаких грязей! Ну, скажи ему – не было ведь?!

Я киваю головой, как болванчик. А Скульский, оглядев нас по очереди, присаживается и утирает лоб.

– Я не знаю, что у вас было, а чего не было. Но сто тысяч шекелей, считай, лежали у нас в кармане. Тебе мешали сто тысяч?

– Нет, – крутит головой Давид, – не мешали.

– А Скульскому не помешало бы адвокатское вознаграждение. Но где оно теперь? Ты его сжег, бросил в печьку, вылечив свою руку!

– Да не лечил я руку, Марк!!

Следует еще один взрыв гомерического хохота.

– Опять будешь про камень, о котором пишут газеты? Не говори ерунды! Сами же и пишете, сенсацию раздуваете!

Вспоминаю, как по дороге сюда Давид лихо рулил одной правой, держа в левой сигарету. И сейчас, подвинув больной (некогда) рукой массивное кресло, он с размаху в него плюется.

– В том-то и дело, что это не сенсация! А...

– А что?!

– Не понимаю, если честно. Но после того, как спустился вниз...

Адвокат с жалостью смотрит на клиента.

– Ты хотя бы заключение врачей не требовал. По старой бумаге нам выплатили бы страховку, а сейчас... Ты практически здоров, никакие операции тебе не нужны!

Утраченная страховка не повод для уныния, решаем по выходу из адвокатской конторы.

– Подумаешь, сто тысяч! – говорит мой друг, – Зато кассамы перестали летать! Представляешь: у нас ни одной тревоги за два дня!

– Так отметим это дело! – предлагаю воодушевленно, – А

потом вместе спустимся вниз! Очередь надо отстоять, конечно, но что такое несколько часов, когда впереди – вечность?!

Нас переполняет восторг. Детский, щенячий, он бьет из двух немолодых мужчин, как шампанское из бутылки: мы куда-то едем, машем людям руками, и они машут в ответ. Машут хасиды, потряхивая пейсами; машут обладатели «арафаток»; и негры дружелюбно покачивают розовыми ладонями, и белокожие туристы... Мы выпиваем в одном месте, в другом, и по фигу, что Давид за рулем. Если нас остановят, мы помашем полиции, а потом скажем: бросайте службу, идите туда, где вылез пуп земли! Там чудеса, там лучший бродит, там начинается свой отсчет новая эра!

5.

Веселье прекращается, когда подъезжаем к «Хавере». Привычной очереди, что растянулась на два квартала, нет, а возле котлована беснуется толпа. Сбившись в кучу, люди размахивают руками, разноязыко кричат и лупят друг друга почем зря. Арабы лупят, евреи лупят, да и католики с православными не отстают. Вдруг: бах! ба-бах! Выстрелы (пока в воздух) заставляют женщин с детьми броситься врассыпную, однако мужская часть остается, чтобы продолжит драку с удвоенным ожесточением...

– Да как же это... – бормочет Давид. – Почему?!

Только понять ничего невозможно: толпу окружают воен-

ные, к дерущимся уже не подойти.

– Пошли внутрь! – тащу приятеля, – Моше расспросим!

Испуганный хозяин, заикаясь, выдает монолог на пару минут, после чего становится ясно: обрушились стены котлована. Натуральный оползень случился, хорошо, на дне в этот момент никого не было! Тут же возник вопрос «кто виноват?», и ответ был у каждого свой: арабы кивали на хасидов, те – на своих оппонентов, ксендз наехал на батюшку и т. п. Короче, коллективная потасовка, ее даже солдаты утихомирить не могут.

Прыгая через две ступени, поднимаемся в номер и выскакиваем на балкон. Внизу – груда разноцветной земли: серые, желтые, красноватые пласты земли перемешались, полностью засыпав чудо. И люди, что мечутся вокруг, перемешались; в бессильной злости они тузят друг друга, а вокруг: бах! ба-бах!

К вечеру драка стихает, зато начинаются волнения в Восточном Иерусалиме. Туда стягивают полицию, армейские подразделения; кажется, город вот-вот вспыхнет, буквально загорится под ногами. Мы сидим мрачные перед телевизором, наблюдаем озлобленные лица, сжатые кулаки, теснящих толпу военных, и молчим. О засыпанном камне в новостях – ни слова, до него вроде и дела никому нет.

Ночью долго не спится. За стенкой опять бухают шаги, а может, эти звуки издает земля за окном. «Бу-бу-бу...» Или это бормочет разлегшийся на полу Давид? Он тяжело вороча-

ется, под ним скрипит матрас, и слышатся непонятные слова на чужом языке. Вдруг ловлю себя на том, что я здесь – абсолютно чужеродное существо. Что все это меня, в сущности, не касается, я страшно далек от этих раскаленных солнцем камней, а главное, от не утихающего много десятилетий конфликта. Это ваши проблемы, могу я сказать, сами их решайте! Но одновременно изнутри поднимается абсолютно противоположное чувство. Касается, и еще как! Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол – он всегда звонит по тебе...

Утром выхожу на балкон, чтобы напоследок (пора улетать) взглянуть вниз. Оцепление уже снято, наверное, переброшено к местам настоящих волнений, лишь несколько чудачков пытаются ковырять землю лопатами. Только куда там!

– Как думаешь, откапают? – спрашиваю, вернувшись. Давид долго молчит.

– Зачем? – отвечает задумчиво. – Не факт, что это нужно. На глубине бытия зла нет, наверное, но... Мы-то на поверхности, верно? Ладно, тебе пора на самолет.

В аэропорт едем на такси, за руль мой друг сесть не решился. Рука вдруг повисла, как плеть, не то, что рулить – пластиковый стакан не удержать, когда пьем на посошок прихваченный коньяк.

– Болит? – спрашиваю участливо.

– Терпеть можно. – Давид через силу усмехается. – Зато теперь страховку получу, Скульского порадою...

Бен Гурион набит людьми в форме, что тщательно осматривают каждого и обследуют багаж.

– Нет, ты все-таки везунчик! – кричит Давид уже из-за ограждения. – Сюда почти все авиакомпании рейсы отменили, только русские продолжают летать!

Я уже знаю об этом. И в самолете поначалу чувствую себя нервно. Вот мы взлетаем, набираем высоту, и вдруг в крыло – ба-бах! Но и летчики тоже об этом знают, поэтому самолет уходит вверх свечой, под углом градусов сорок пять. Вскоре раздается мягкое «дзыннь!», табло гаснет, значит, можно отстегнуть ремень и взглянуть в иллюминатор.

Самолет делает вираж, открывая взгляду землю внизу. Отсюда видна почти вся страна, до иорданских гор, она залита солнцем и кажется мирной и радостной. Эх, святая земля, святая земля...

Война майора Чумака

1.

Новых постояльцев приводят ближе к вечеру. Стелла предупреждает по телефону, мол, приберись в квартире, и тут же заявляется с очередной парочкой: показывает «циммер», ванную, кухню, причем на хозяина – ноль внимания. Будто Чумака нет, будто он мебель!

– Устраивает? – лстиво улыбается Стелла. – Старая немецкая квартира, в Берлине такой уже не найдешь...

– Неплохо... – отзывается белобрысая толстуха в красной курточке. Курточка расстегивается, затем ее вовсе снимают.

– Это что? – тычет гостья в жестяную полочку с надписью Topflappen.

– Здесь прихватки должны лежать. Topflappen по-немецки – прихватки для посуды.

– Видишь? – оборачиваются к спутнику, рослому и рыжему. – Настоящий немецкий порядок!

– Орднунг, а то ж... – лениво отзывается рыжий. Вернувшись в комнату, он приближается к столику на гнутых ножках, на нем висится старый приемник в деревянном корпусе.

– Во, такой у Штирлица был! Как там? «Юстас Алексу...»

Он ржет, а Чумака с души воротит. Что интересного в

старье?! Когда получал социальную халупу, хотел выбросить барахло покойной немецкой бабули, так Стелла отговорила: ты с ума сошел! Это ж раритеты, туристы кипятком писать будут! Она, собственно, и идею «апарт-отеля» подкинула, в смысле – сдавать вторую комнату для туристов из «рашки». Чумак, скрепя сердце, согласился. «Апарт-отель», «рашка» – выражения были чужды, но лишние евро, увы, нужны позарез.

– Ну, согласны? – грубовато произносит Чумак. – Тогда давайте задаток и располагайтесь, что ли...

Извинившись, Стелла выводит его в прихожую.

– Куда спешишь?! – шипит. – Людям нравится, только торопить не надо! И про задаток помалкивай, не твой вопрос! Соблюдай, майор, эту самую... Субординацию!

Чумак понимает: Стелла – хозяйка положения, вообще «баба с яйцами», с такой лучше не связываться. Но святое трогать даже ей не позволено. Майор он, генерал, рядовой – не ее бабье дело!

– Ну, чего гримасничаешь? Денежки не нужны? Тогда в другое место их определяю!

Левая щека Чумака дергается, делая лицо уродливым. Следствие давнего ранения; еще и глаз багровеет, будто вся кровь к нему прилила...

– Я же знаю: вы с Шульманом гешефтом занимаетесь! – не унимается Стелла. – На гуманитарке, верно? И оба в деньгах купаетесь, так?

– Ни в чем я не купаюсь. – глухо отвечает Чумак, – Коро-
че, вот ключи. Белье – в шкафу. Сама с ними разбирайся!

Прихрамывая, он направляется к себе в комнату.

– Порядок поддерживай! – бросают в спину. – В прошлый раз жаловались, что горшок не моешь! И форму свою сними, людей пугаешь!

Добравшись до цели, Чумак закрывает за собой дверь и, опершись на нее спиной, переводит дух. Спокойно, не надо нервов. Представь: она – твой командир, который всегда прав. В конце концов, ты имеешь свой плацдарм, свою территорию, на которую никто не посягает, и радуйся! Даже Стелла сюда не сует нос, не говоря о «пришельцах» (так Чумак называет туристов). «Пришельцам» дозволено наслаждаться атмосферой бургерского жилья – комнатой, кухней, ванной, но логово хозяина – Сталинград. Сюда не суйтесь, господа хорошие, тем более комната наполовину забита картонными коробками, которые действительно завез Шульман. Лекарства, предназначенные для отправки на Украину, если верить организатору «гешефта». Завтра должны вывезти товар, а через месяц схема повторится: завоз коробок, разгрузка и спустя неделю – отправка по месту назначения. Ну, и самая приятная операция: вручение его доли – пусть скромной, но тоже не лишней.

– Плачу за складское помещение, – ухмылялся Шульман, – и за молчание. Мы людям помогаем, натюрлих, но кричать об этом на каждом перекрестке не стоит...

Только их мирок не столь велик, до Стеллы вот дошла информация, хотя на берлинских перекрестках про лекарства не кричали. Причем тут, спросите, бизнес? Насколько знал Чумак, часть гуманитарной помощи оформлялась в качестве коммерческого товара и продавалась украинским фирмам-посредникам (этот «левак» и хранили у него дома). В итоге образовывалась прибыль, ей делились с хозяином «склада», и все участники цепочки были довольны.

Упокоившись, Чумак перекладывает коробки к одной из стен. Он без Стеллы понимает, что такое армейский порядок. В нижний ряд ставятся самые крупные коробки, на них – тара поменьше, а на самый верх помещаются маленькие коробочки, почему-то без маркировки. Оценив работу, Чумак находит клетчатое покрывало и набрасывает на складень. Вот – настоящий «орднунг» (хотя великий и могучий «дойч» Чумак не любит, считает чем-то вроде мата).

Его комната разительно отличается от остального наполнения «апарт-отеля». По стенам развешаны фото однополчан, служивших с ним в Афгане, вырезанные из журналов картинки с вертушками и БМП, а возле окна красуется фотография Свято-Никольской церкви в украинском селе Кулевче. Вроде контраст (Чумак с религией не очень), но это сестра прислала, да и родина, опять же. Зато его армейский камуфляж ничуть не контрастирует с БМП, напротив, служит прекрасным дополнением. Да, форма устарела, и шевроны с нарукавными знаками еще советские, но кому надо,

опознает «Войска Дяди Васи», иначе говоря, ВДВ. Так что Стелла пусть молчит в тряпочку, форма – тоже Сталинград, Чумак ее не снимет, даже если его поведут под конвоем по Unter den Linden. Бойтесь, фрицы, майора-десантника, и не смейте его трогать!

В этой комнате майор приходил в соответствие с тем человеком, который смотрел с одной из фотографий. Здесь он еще капитан, черноволосый, улыбчивый, обнимающий боевых товарищей. Кто-то из них давно в ином, лучшем (наверное) мире, кто-то просто исчез с горизонта, затерявшись в жизненной круговерти. Но тут, на фото, все еще живы и вопреки тогдашней обстановке счастливы. Афган был страшной мясорубкой: и подергивание щеки, и его хромота – оттуда, из страны раскаленных стреляющих гор. Но там была настоящая, а главное – абсолютно понятная жизнь. Вот свои, вот духи; а если приходится накрывать огнем кишлак, так не без причины. Из этих кишлаков такая нелюдь по ночам выползала – мама не горюй! А значит, заряжай! По душманскому гнезду... Пли!

Теперь не тот расклад, жизнь сделалась дурной и непонятной. Такого, как Шульман, Чумак под трибунал бы отдал, но вот – сотрудничает с прохиндеем! Или взять Стеллу: аферистка же, три шкуры дерет за проживание в своих «апартаментях», однако и здесь нужно подвякивать. Тьфу! Он служил великой державе, а что сейчас?! Кто он сейчас?! Последний интендант на той войне больше уважения имел, любая

тыловая крыса могла бы его презирать – такого...

Чтобы отвлечься, Чумак выглядывает в открытое окно, за которым – внутренний сквер. Стелла называет его «патио», набивая цену жилью, но главное, зелень под окном, дышится хорошо, да и первый этаж для хромого – очевидный плюс...

– Борман! Кис-кис-кис... – негромко зовет Чумак. – Кис-кис-кис...

На подоконнике у него блюдечко с сухим кошачьим кормом, он выставляет его на оцинкованный отлив и ждет. Этот черный жирдяй должен придти, никуда не денется. А если задержится, пусть пеняет на себя, потому что примчится худосочный серый Геббельс и весь корм сожрет. Борман одной левой может отогнать этого дистрофика, но тут главное – быстрота маневра!

– Геббельс! – повышает голос Чумак. – Кис-кис-кис...

Серый возникает будто из-под земли, вспрыгивает на отлив и какое-то время балансирует на скользкой жестянке. Пристроившись, начинает хрустеть кормом. Зеленые глазища косят в сторону (вдруг заклятый конкурент появится?), а челюсти молотят будьте-нате!

– Борман сегодня в пролете... – усмехается Чумак. Он хочет погладить победителя, когда дверь в комнату распахивается.

– Здесь живут Борманы с Геббельсами?

На пороге рыжий постоялец, в руках у него – бутылка водки.

– Слышу знакомые имена, – ухмыляется, – и ни фига не понимаю! Котов, значит, так зовут?!

– Я так зову... – сдержанно отвечает Чумак. – Фрицы наверняка зовут по-другому.

Он старается не замечать блеск водочного стекла, однако бутылка притягивает взгляд, будто магнит.

– Тяпнем русского национального? – поднимают бутылку над головой. – Моя в супермаркет помчалась, значит, часок у нас есть!

Чумак не в силах сопротивляться, выпивка – его слабое место. Он расставляет рюмки, насыпает в вазочку крекер, и вот уже первая, «за знакомство», приятно разливается теплом в груди. Гостя зовут Эдик, он из Брянска, а там закон: между первой и второй – никакого перерыва!

– Вообще никакого?! – удивляется Чумак.

– Никакого! А между второй и третьей – не больше минуты!

Эдик опять ржет, видно, мужик с юмором. Вообще-то, откровенничает тот, сюда ехать не хотелось. Хрена ловить зимой в Берлине?! Зима тут мягче, конечно, даже зелень кое-где проглядывает, но ведь не Египет! Так жена потащила в Германию! У нее девичья фамилия, понимаешь ли, Шторк, и вот ей в голову взбренило на родину предков отправиться! И чтоб непременно жить в обстановке настоящего немецкого дома!

– Но у тебя, вижу, другая обстановка...

Эдик тычет в одно из настенных фото.

– Это где? В Грозном?

– В Кандагаре.

– Ты афганец?! Тогда – за афганцев!

После третьей «пришелец» уже нравится Чумаку. Тут разные бывали, некоторые нос воротили от изувеченного мрачно-новатого человека в форме, а этот брянский – вроде свой. Жаль, не служил в горячих точках, не поделишься сокровенным. А хочется! Хочется улететь туда, где пахло нагретыми солнцем скалами, соляжкой от боевых машин, гарью; где была взаимовыручка, мужество, и каждый готов был положить жизнь «за други своя». Вот откуда его хромота? Тогда их заперли в ущелье, начали долбить пулеметами с окрестных гор, и ему на бегу – в ногу! Лежал на открытом пространстве, как мишень, так Сашка Клюев, командир роты, его на себе под БТР втащил, под броню, иначе в мясо бы раскрошили духи! И сам Чумак не раз бросался на выручку под шквальным огнем, прикрывал собой бойцов, и что остался живым – считал чудом. А главное, тогда за ним стояло что-то огромное, большое и непобедимое. Да, война была страшная, много хороших мужиков положили зазря. Но была держава, был некий смысл в бессмысленных, если рассудить здраво, подвигах, и утрата этого всего была больнее, чем сквозное ранение в ногу или боль от осколка, задевшего лицевой нерв (от того щека и дергалась)...

– Сам откуда? – интересуется Эдик.

– Оттуда... – Чумак указывает на Свято-Никольскую церковь, что висит на стене – С Украины. Но я там не был... Сколько же я там не был? Больше сорока лет!

Гость выдерживает паузу, с интересом глядя на хозяина.

– Съездить не хочешь? Там сейчас события!

Майор отмахивается.

– Опять бузят?! Ничего, побузят и разойдутся!

– Не знаю, не знаю... Может, и не разойдутся.

Еще опрокинуть, затем похрустеть крекером, как давеча хрустел кормом Геббельс.

– И хрен с ними. Какое мне до них дело?! Моя родина – Советский Союз! Помнишь песню? Мой адрес не дом, и не улица, мой адрес...

Эдик начинает подпевать, когда в дверях возникает толстуха, что в девичестве Шторк.

– Хорошо сидим? – произносит ледяным тоном.

– В общем, неплохо... – теряется рыжий.

– А теперь – домой!

Эдика подбрасывает, будто в задницу вмонтировали пружину. На пороге супруга оборачивается.

– Стелла Георгиевна предупреждала, что вы алкоголик, и зря я ей не поверила! Не смейте спаивать моего мужа!

У Чумака сводит скулы. Хмель слетает, лишь бессильная злость ворочается внутри, как некий червяк. Ты никто, майор, если даже эта незваная гостья может тебя унижить. Ты разжалован и уволен из рядов без права восстановления! Не

хочешь быть разжалованным? Тогда вытащи заначку – и в магазин, чтобы надраться к ночи до бесчувствия и провалиться в мертвецкий сон...

2.

Утро начинается со стеклянного звона: кто-то бросает в окно мелкие камушки, и тут, хочешь – не хочешь, а приходится разлеплять глаза. Какая зараза спать мешает?! Чумак поднимается; укутавшись в одеяло, подходит к окну. Ба, Краб явился! Полгода, почитай, было не видно, говорили, его вообще из «фатерлянда» депортировали. Но вот он, лыбится во всю ширь, сверкая фиксами...

Щелкнув шпингалетом, Чумак распахивает створку. – Просыпайсь, Мыкола! – слышится с улицы. – Буде подушку давить!

– Принесли черти... – бормочет Чумак. Башка трещит, накануне бутылку в одно жало всосал; а еще ведь с рыжим пил! С другой стороны, Краба можно послать в магазин, молодой – мухой слетает...

У гостя, по счастью, с собой пиво. Туристы слиняли с утра пораньше, и можно спокойно похмеляться, слушая рассказ о злочлечениях Сереги Бойченко по прозвищу Краб. У него не ладони, а натуральные клешни – огромные, разлапистые, да еще красноватого цвета, и во время разговора он этими «клешнями» все время размахивает. Как выясняется, придуду-

рок влетел в уголовную историю – вместе с друзьями угнали грузовик Ман, набитый стройматериалами. Грузовик оставили на пустыре, понятно (как его продашь?), а материалы решили толкнуть одному немцу. Так он же, сука, их и заложил! Позвонил в полицию и высказал свои подозрения, мол, откуда у этих русских мешки с ротбандом и черепица Браас? Вот не все равно ему, откуда! А главное, москалями их назвал, немчура херова! Все время бубнил «руссиш», «руссиш»!

– И что? – морщится Чумак (башка еще трещит!). – Мы для них все – русские...

– Ни, Мыкола! Я не москаль!

– Да ладно тебе! И это... хватит меня Мыколой звать! Я для тебя, пацана, Николай Петрович! Майор советской армии в отставке! Если хочешь – называй товарищем майором...

Краб опять демонстрирует фиксу, затем упирает правую клешню в висок.

– Слушаюсь, товарищ майор!

– К пустой голове ладонь не прикладывают... – бурчит Чумак. – Значит, в тюрьге сидел?

– Ага, пять мисяцев! Я ж на подхвате был – тильки разгружал. А хлопцы, шо машину вкрали, сели надолго...

В магазин все-таки приходится бежать – пивом душу не обманешь. За шнапсом и всплывает (опять!) тема волнений на родине. Краб завелся, мол, в тюрьге делать не фиг, все

время ящик смотрел. Его ж у Краба нет (у Чумака тоже), но тут немецкая тюрьма! Цивилизация, бля, да еще волнения показывают! Ой, как в Киеве нынче неспокойно...

– Да что вы раскаркались?! Непокойно! Волнения! Ерунда это!

Краб долго на него смотрит.

– Ни, товарищ майор, не ерунда. Буде шо-то, нюхом чую.

– Ничего не будет!

– Ты ящик купи, Николай Петрович. Тоже ведь не ба-чишь, шо в мире творится. Жидка твоего, Шульмана, потряси. Мол, ишачу на тебя, так отблагодари!

– Понадобится: сам куплю. Ну? Что с руками?

– Шо с руками?! – Краб обеспокоенно разглядывает «клешни».

– Не больные? Тогда разливай, что ли...

Краб с облегчением хохочет, тут же выполняя просьбу. А чтоб доказать, мол, руки у него ого-го, под занавес предлагает привычную забаву: армрестлинг.

– Победить рассчитываешь? – прищуривается Чумак.

– Тебя, Николай Петрович, победишь... Так, дурака по-валяем!

На самом деле молодость хочет победы, а то ж! Когда ставят руки на стол, ладонь Чумака тонет в красноватой «клешне». Краб с ходу начинает давить (хотя по правилам положено на «раз, два, три»), только шалишь, родной, с майором Чумаком не такие орлы состязались! Еще в Афгане! С самим

Громовым тягался «на руках», и генерал оказался повержен!

Щеки соперника пунцовеют, он поддавливает кистью, и все же медленно, но верно сдает позиции. Выровнять, теперь наклонить, и вот «клешня» на столешнице!

– Ну, товарищ майор... Железяка у тебя, не рука!

А за окном уже маячит Борман. Тычется в пустую кормушку, затем начинает царапать стекло.

– О, Гитлер явился!

Поднявшись, Краб находит повод задержаться.

– Не Гитлер, а Борман... – бурчит Чумак. – Ладно, двигай отсюда!

– Может, еще пузырь? У меня гроши есть!

– Хватит на сегодня.

– Как знаешь, Николай Петрович...

На пороге гость оборачивается.

– А телевизор купи. Много интересного побачишь! Спусти час является Стелла. Ей уже донесли про вчерашнее, и она ездит по ушам нерадивому хозяину, какой, если разобраться – чмо. В коридоре натоптано? Горшок не вымыт? Ах, вымыт?! А почему лужа в туалете?! Они идут в сортир, где подтверждается правота Стеллы, потому что Краб, когда ходил по малому, пустил струю мимо унитаза, значит, товарищ майор, бери в руки тряпку. И вечером претензии – от туристки, что расхаживает по квартире с видом хозяйки. Она так и заявляет: если б тут жила, все бы переделала по-своему! Чумак ищет поддержки Эдика, но, поймав его

взгляд, рыжий только руками разводит. А тогда удалиться к себе, закрыться на ключ и сделать вид, что его нет.

Его и впрямь тут нет. Не должно быть, во всяком случае, он вроде как попал в плен, причем сдался добровольно. После возвращения из Афгана страна начала рушиться, а Чумак зачастил в госпиталя: то нога, зараза, мучает, то ранение в голову даст о себе знать. Хреновый стал вояка, такого на «дембель» отправить – святое дело. И отправили, повесив медальку на грудь, даже приказ на подполковника оформили, чтоб пилюля стала не просто сладкой – приторной. Но от бумажных погон майор ВДВ отказался. А тут дочка выросла, начала романы крутить направо-налево, глядь, уже замуж выскочила! Причем за гражданина Германии! Уехала, понятное дело, и началось: хрена, мол, сидеть в этой стране?! Что здесь ловить?! Супруга обрабатывала «дембеля» ежедневно; а держава, между тем, катилась в пропасть, и экс-майор после очередной госпитализации дал слабинку: едем, черт с тобой! Только переехали в Берлин, а доченька любимая уже развод оформляет! Супруга на этой почве слегла, да так и не оправилась – скончалась через год. Жили по съемным квартирам за счет дочки, хотя та не столько работала, сколько искала новую партию. И таки нашла своего американца долбанного, который тут же увез ее в Миннесоту. Хорошо, папаше-ветерану оформила вид на жительство, и тот поимел право на социальное жилье, копейки кой-какие, ну, чтоб не загнуться. Дальше связями оброс в среде укра-

инских мигрантов, халтуры появились, да так и застрял «в плену». Куда возвращаться? Жилье-то продали перед отъездом, а ехать на родину вроде как смешно. Двоюродная сестра недавно разыскала его, звонила несколько раз, мол, если хочешь – приезжай в Кулевчу, живи у меня. Но где Чумак, и где эта Кулевча?!

Детские впечатления почти стерлись из памяти, лишь изредка вспоминались крашенные синие штакетники и свисающие ветви, усыпанные вишнями. Юный Коля Чумак всегда ходил вдоль штакетников, обирая сочные соседские ягоды, хотя в собственном саду вишни было завались. Соседская – всегда слаще, говорила бабушка; зато ее вишневый компот не имел равных в селе: к ним даже болгары приходили за компотом, просили продать. Выглядели «болгары» так же, как бабушка, и говорили вроде на понятном языке, но их почему-то отмечали особо. Что еще сохранила память? Гусей, что однажды защипали до синяков на лодыжках; классы начальной школы, где невысокому худощавому парнишке все время приходилось доказывать что-то кулаками; а еще визит военного, что однажды забрал его прямо с уроков. Когда папаша, герой войны, скончался в госпитале, а мамаша, стерва, не вернулась с очередного курорта, бабушка отписала в Московское суворовское училище (чуяла, что скоро помрет), и волшебник с погонами вскоре прибыл в село, затерянное на границе Украины и Молдавии. Прибыл, оформил документы, и с той поры жизнь пошла от приказа до приказа.

Странно, что Чумак совсем не помнил Свято-Никольскую церковь, фотографию которой сестра прислала в письме. Писала, что храм этот особенный, там замечательный батюшка Павел, а главное, чудодейственная икона Спасителя имеет-ся. Ее преподнесли в дар, считай, черную совсем, и вдруг она в одну ночь просветлела! Лик проявился, и кто к этой иконе, значит, приложится, сразу излечивается! И хотя сестринский пафос был неподделен (набожной сделалась!), все это воспринималось, как народные сказки. Отсутствовала, короче, родина у советского майора, утонула она, ушла на дно, даже пузырей не осталось...

Одно время поддерживали звонки Ваньки Потапова, дружка афганского. Было дело: заперли в одном из ущелий батальон Потапова и косили бойцов, как траву. Наверняка всех покосили бы, да Чумак со своими орлами на поддержку выдвинулся, и все огневые точки из минометов накрыл. Ванька всякий раз тот случай вспоминал, даже неудобно было.

– Цену ты себе не знаешь, Петрович! Ты ж герой!

– Да ладно тебе...

– Ничего не ладно! Вот хрена ты там сидишь?! Тебе молодежь воспитывать нужно! Если им про тебя рассказать...

– Зачем? Я не генерал Громов какой-нибудь... Как он, кстати?

– Поднялся на время, до губернатора даже дорос. Но сейчас загнали за Можай, где-то в Приморье бизнес крутит...

– Что ж так?

– Не по чину брал, думаю. А генерал Шпак – тот в авторитете до сих пор. Виделся с ним как-то, так он тоже тебя вспоминал. Хрена, говорит, делает у немцев майор ВДВ?!

– Бывший майор, – вставлял Чумак, но его перебивали:

– Бывших десантников не бывает! Так вот Шпак говорит: почему Петрович там, а не здесь?!

Эти разговоры (хоть Чумак и спорил) грели, напоминали о чем-то большом, огромном, что соединяло майора, Ваньку Потапова, Сашку Клюева, Громова, Шпака и еще миллионы людей в целом, что сияет над головами, как слепящее солнце Афгана. Потому-то и суетился майор, зарабатывал правдами и неправдами, чтоб вырваться из «плена». Он соберет нужную сумму и в один прекрасный день помашет ручкой благоустроенной бундес-тюряге: ауфвидерзеен, дамен унд херрен! Натерпелись, будет!

Но в последние месяцы Ванька звонить перестал. И на звонки Чумака не отвечал, может, тоже в госпиталь угодил (в нем железа сидело – будьте-нате!). И Чумак окончательно потерялся. Вокруг крутились какие-то полулюди, с которыми на одном поле не сядешь – в других обстоятельствах. Да где возьмешь «другие»? Опора утрачена, под ногами – вязкое месиво, болото, того и гляди, засосет...

Погрузившись в беспокойный сон, Чумак оказывается на горячей броне бэтээра. Там же сидят одетые в форму десантников Потапов, Клюев, даже генерал Громов (правда, с пого-

нами капитана мотострелковых войск) покачивается, усевшись с краю. Чумак хочет подколоть начальника, мол, разжаловали, да? Но раздумывает: это же мелочь, главное, они опять вместе! И катят (ну и ну!) по Unter den Linden!

– Вань, я что-то не понял... – озирает майор тянущиеся вдоль улицы бутики и рестораны. – Куда мы направляемся?!

– Как куда?! К Рейхстагу!

А ведь верно, движутся в сторону Бранденбургских ворот! Гуляющая публика, увидев боевую машину, сгибается в поклоне или в страхе жметесь к стенам домов. Правильно боитесь, фрицы, сейчас мы будем брать вашу главную цитадель еще раз. Есть ли у нас флаг?

– Есть! – Ключев вытаскивает из-за пазухи красное полотнище с серпом и молотом. Чумак хлопает его по плечу.

– Молодец! Ставлю боевую задачу: водрузить знамя на самой вершине купола! С тобой пойдет подполковник Попов!

Ключев смотрит на прозрачный купол цитадели, что сияет на солнце.

– А не соскользнем? – спрашивает с сомнением.

– Саня, ты чего?! Ты ж дворец Амина штурмовал! А тут какой-то Рейхстаг! В общем, выполняй задачу!

Они уже проскочили ворота, пересекли линию разрушенной берлинской стены, так что цель совсем рядом. Но бэтээр вдруг резко сворачивает и несется в Тиргартен. Чумак ползет к кабине.

– Эй, боец! – стучит по броне. – Почему отклонился от маршрута?!

Да только водила не слышит, топит газ, и вот уже рядом мелькают деревья – они углубляются в парк, чтобы остановиться возле металлического ангара. Из кабины выскакивает Краб (вот сюрприз!) и машет клешнями, мол, слезайте, приехали! Какого хера?! Мы собирались цитадель штурмовать!

– Почекае цитадель. Зараз трэба працоваты!

Он открывает боковую дверцу, Чумак сует голову внутрь и обалдевает: весь объем занят ротбандом и черепицей Graas!

– Ни, не весь! – читает мысли коварный Краб. – Твой товар тоже тут.

Он тычет куда-то вглубь, где виднеются коробки, что обычно оставляет Шульман. После чего обнаглевший штатский деловито разъясняет офицерскому составу: нужно разгрузить товар, а потом можете хоть Рейхстаг брать, хоть Центральный вокзал. Офицеры переглядываются, а Чумак чувствует, как изнутри поднимается горячая волна: да что ж ты, сука, себе позволяешь?! Да я ж тебя, выползка уголовного...

– Руки за голову!! Лицом к стене!! А теперь по законам военного времени... Расстрелять эту сволочь! Ну?! Стреляйте же! Стреляйте!!

Выпадение из сна происходит внезапно: его кто-то тормозит, приговаривая:

– Эй, афганец! Возвращайся с войны!

Очнулся, а над ним рыжий турист в пижаме.

– Порядок? Извини, мне-то по фиг, но мою крики пугают. Иди, говорит, успокой этого... Ну, я пошел!

3.

Пока квартирует приезжая парочка, Шульман не показывает носа. Хотя показать хочется, видно по его нервным звонкам. Когда будешь один? Послезавтра? О'кей, навещу!

Наконец, «пришельцы» отваливают. Улучив момент, Эдик забегает на минуту, они успевают махнуть по сто, и тот на прощанье выдает:

– Моя, конечно, от тебя не в восторге....

– Я тоже, – парирует Чумак, – не в восторге!

Рыжий всхохатывает.

– Ну да, ну да... Но здесь ей страшно понравилось! Хочет такую же квартирку прикупить, ну, иногда самой приезжать, в остальное время – внаем сдавать.

Днем заезжает Стелла, чтобы отдать долю Чумака, а вечером на пороге возникает Шульман вместе с мрачноватым грузчиком, вроде как турком. Турок ни бельмеса по-русски, зато работает, как зверь: пять минут – и комната очищена. Будет ли следующая партия? Неизвестно, озабоченно отвечает Шульман. Проблемы сейчас, как бы вообще бизнес не накрылся.

– Это из-за событий? Ну, там... – машет Чумак рукой ку-

да-то на восток.

– Из-за них. Не нравится мне это. Деньги любят тишину, а на исторической родине нынче шумно.

Чумак безропотно выполняет очередную просьбу, мол, надо оставить небольшую сумочку.

– Только на виду не ставь... – говорит Шульман.

– Да я прикрою! Вот, накидка есть...

– Лучше в шкаф. Или под кровать. У тебя ж тут посторонние, а препараты очень ценные, не дай бог...

Он, как всегда, платит за услугу вперед. Поставив сумку в шкаф, Чумак прячет под белье полученные от «партнеров» евро, считая это еще одной ступенькой к заветной мечте, дескать, мало-помалу, зернышко к зернышку, глядишь, и наберется сумма. Но на телевизор (подержанный – на всякий случай) он все-таки тратится.

Для настройки Краб засылает дружбана по имени Остап, и тот за пять минут, потыкав в пульт, настраивает нужные программы.

– Тут на нашей мове, тут – на москальской... – поясняет. – Немчуру хочешь дивитися?

– Обойдусь, – говорит Чумак, усаживаясь перед экраном.

Волшебное окно показывает мир, покинутый много лет назад. Мир гудит, орет, выступает с трибун, дымит подожженными покрывками, и метает коктейли Молотова. Что повергает майора в шок. В бундес-столице тоже бузили то левые, то правые, но тихий квартал неподалеку от Zoo вол-

нения обходили стороной. А здесь?! Но вскоре Чумак обвыкается, и пульт в руках перестает отдыхать. Он предпочитает «москальску мову», поскольку «ридну» знает через пень-колоду. Хотя такие новости даже на фарси-кабули (тоже напрочь забытом) будут понятны. В программы включаются сериалы, передачи о здоровье, о кулинарии, то и дело мелькает реклама, но Чумак моментально жмет кнопку, чтобы переключить на самое горячее, самое тревожное.

Было тут что-то знакомое. Трудно входить в бой, Чумак это знал, зато потом хрен выйдешь! Ну и толпы, опять же, магнетизировали. Майор отвык от толп, сторонился их, жил, как одинокий волк. А на самом деле – страдал, мечтал о чем-то общем, сплывающем, сияющем над головой и т. п. Волк-одиночка тоже приближается порой к стае, чтобы прибиться, а человеку к своим хочется тем более. Вопрос, правда, кто свои? В эти дни несколько раз забегал Краб с Остапом и еще какими-то людьми, они пили шнапс, именуя его «горилкой», и тыкали пальцами в экран, мол, бачишь?! О це суки, поубивав бы! Кажется, «суками» были люди в камуфляже, что пытались сдерживать толпу, но Чумак это не комментировал – не составил пока мнения. Ему тоже наливали, было видно: считали за своего. Он же плыл по течению, нутром чуя: за этими хлопцами стоит что-то сильное, а главное – общее, о чем давно тосковал...

В один из погожих теплых дней, когда погода почти весенняя, он усилием воли отрывает себя от экрана, чтобы про-

гуляться. Редко выбирался за границы квартала, благо, маркет в двух шагах, где и еда, и выпивка по приемлемой цене (владелец-турок держал низкие цены); и банкомат недалеко, чтоб евро снять; и больница в пешей доступности. Берлин же майор не любил, он был вроде как символ вселенского зла, город-враг, который никогда не отмоеся, пусть даже десять каменных солдат поставит в Трептов-парке. Однажды социальная работница, что пасла российский контингент, сказала:

– Здесь русским жить легче.

– Чем где? – усмехнулся Чумак правой половиной лица (левая в тот момент дергалась).

– Чем в Бонне, например. Или в Ганновере. Берлин – мегаполис, тут легче затеряться. Много соотечественников, опять же. А главное, он грязный, как... – она рассмеялась, – В общем, как ваши города!

Со временем Чумак убедился в ее правоте: мусора хватало, особенно в выходные, когда парки и скверы вдоль Шпрее заполнял гуляющий народ. Урны на аллеях быстро переполнялись, но мусор не убирали; и алкашей, что валялись в отрубе на траве, не забирали, так что близкий сердцу бардак, по идее, должен был примирить с реальностью. Увы, не примирял. Чумак даже язык демонстративно не учил, имея словарный запас на уровне «хенде хох» и «гитлер капут». Не заслужил этот язык изучения, навсегда остался речью врага...

Не вызывал отторжения разве что Zoo, куда Чумак и на-

правляет стопы. Билет недешевый, но удовольствие того стоит, и вскоре он проходит через индийскую арку со слонами, чтобы оказаться среди братьев меньших (многие из которых – в разы больше человека). Это целый звериный город, да что там – страна животных, устроенная вопреки уставам ООН внутри германской столицы. Если бы не специальные таблички, тут запросто можно затеряться, во всяком случае, не найти, чего хочешь. Чего хочет Чумак? Есть одно желание (странное, если честно), и он шарит глазами по табличкам, на которых не только немецкий текст, но и силуэты представителей фауны. Слоны – замечательно, хищники – тоже любопытно, но ему требуется другое. Насколько он помнит, следует двигаться против часовой стрелки, так быстрее достигнешь места, где поселили самых больших обезьян. Он идет, почти не задерживаясь у просторных вольеров, в большинстве из которых гуляют животные. На удивление теплый денек, и есть надежда на то, что его любимцев тоже выгонят из «зимних квартир» на свежий воздух.

Добравшись до цели, он понимает: не ошибся. Огромных черных горилл поселили на острове, отделив от праздной публики заполненным рвом водой. Гигантские обезьяны не суетливы, как мартышки или павианы, они сидят, лежат либо лениво движутся к тому месту, куда упадет брошенная служителем пища. Этот деятель в униформе тоже не спешит, под стать подопечным: бросит свеклу – и ждет, пока обезьяна доберется до вкусного клубня и медленно его разжует.

Теперь парочку стрелок лука-порея, чтобы другой гоминид подкормился; и все это под рукоплескания публики.

Чумак же выискивает глазами гориллу-одиночку, чья грудь вроде как тронута сединой (еще с прошлого раза отметил). Вот он, голубчик! Сидит на отшибе, на еду не смотрит, отрешенный взгляд направлен куда-то в сторону. Публика машет руками, что-то кричит, но «обезьян» – ноль эмоций. А главное, не жрёт ничего! То есть, вечером (или ночью) наверняка подъедает остатки дневного рациона, но сейчас застыл в горделивой позе, прямо статуя!

Почему экс-майор чувствует родство с косматой животинной? Непонятно. Но родство есть; и он – одиночка, из последних сил старающийся себя сохранить. Только как?! То же ведь втихаря крысятничает; а горор – для виду, чтоб самолюбию потрафить...

Взбодриться помогает пара пива в ближайшем к зоопарку кафе. Из-за соседних столиков на него с любопытством поглядывают; и в Зоо поглядывали, и на улице косились: не каждый день в центре Берлина увидишь форму ВДВ. Только Чумак не обращает на это внимания (прямо как седая горилла). Встает, одергивает куртку и направляется к Шарлоттенбургу. Дом в другой стороне, он же хромает в западном направлении, чтобы спустя час оказаться на тихой улице, где за густой зеленью виднеются ухоженные фасады.

Эта улица? Или следующая? Кажется, эта – вон, на углу магазин экологически чистых продуктов, где отоваривается

Стелла. Вот итальянский ресторан, где Стелла любит ужинать; вот и ее дом с белым треугольным фасадом, выглядит ну прямо как дворец. Весь его Стелла не занимает, конечно, у нее в этом доме квартира, зато какая! Там лоджия едва ль не больше, чем вся халупа Чумака. А главное, два сортира! Вот на фига Стелле – два?! Она ж с мужем развелась, а сын отдельно живет, причем в Дюссельдорфе! Именно тогда, после отъезда сына, Чумак единственный раз оказался в этой шикарной квартирке – требовалось вывезти вещи, и его попросили помочь.

Он стоит перед кованой калиткой (фиг через нее прой-дешь!) и чувствует, как в душе оживает тот самый червяк. «Конечно, – думает майор, – не социальное жилье, в кото-ром мы прозябаем! Нажила себе хоромы за наш счет!» Чер-вяк набухает, делается толще и, превратившись в маленького удава, начинает душить. Еще минута – и он подберет с земли что-нибудь тяжелое, запульнет в окно, и не факт, что попадет в нужное. Зато наверняка примчится полиция (такие дома всегда под сигнализацией), глазом не успеешь моргнуть, как окажешься там, где сидел на нарах Краб.

Обратный путь пешком не одолеть, надо сесть на U-Bahn. В вагоне сидячие места заняты, но спустя минуту уступают кресло. Знакомая реакция: иногда и два, и три места сразу освобождают, инстинктивно пугаясь звезд и эмблем десан-туры. Он вылезает на своей станции метро и, сокращая путь к дому, движется через сквер. В центре сквера пруд, рядом

толпятся родители с детьми. Он часто наблюдал это столпотворение, только не мог понять, ради чего? Внезапно от толпы отделяется девчонка в синей куртке и вязаной шапочке, маленькая совсем, и бегом в его сторону! Остановилась, и вдруг по-русски:

– Дядя, ты военный?

Чумак едва не спотыкается – не ожидал!

– Был военным... – отвечает после паузы, – Но очень давно.

– Ты раненый, да? У тебя ножка хромая...

Майор с трудом (колени буквально скрипят) присаживается на корточки.

– Что обо мне говорить? О себе расскажи. Как тебя зовут?

– Машей зовут.

– Мария, значит... А здесь что делаешь?

– Мы с братом пришли. Он ходит в школу, поэтому мама нас сюда приводит. Только мне неинтересно, играть не с кем!

Юное создание, оглядываясь на толпу, приплясывает в возбуждении и тут же предлагает прогуляться.

– Не боишься? – усмехается Чумак.

– Не-а, не боюсь! Ты же военный!

В этот момент раздаётся:

– Маша! Komm her!

Девочка отмахивается, мол, отстань, и к ним направляется молодая женщина в черном пальто.

– Entschuldigen Sie... – извиняется, – Ein Kind...

– Да ладно, все ж понятно... – говорит Чумак, поднимаясь.

– Вы русский?! – удивляется женщина, оглядывая его с ног до головы, – Ну да, можно догадаться...

Словоохотливая мамаша открывает секрет: оказывается, здесь встречаются родители школьников из ближайшей Schule. Школа смешанная: немцы, турки, русские, поляки (кого только нет!), так что надо налаживать общий язык, выработать толерантность.

– Что выработать? – уточняет майор.

– Толерантность. Хочется быстрее семью адаптировать, мы ведь недавно переехали. Потому и старшего привожу. А это младшая...

– Я тоже хочу общаться! – влезает младшая.

– Лучше язык учи! Представляете: не хочет заниматься языком! А так нельзя. Вот дядя подтвердит: язык – надо учить!

– Не хочу учить! Хочу гулять – с дядей военным!

Чумак проводит рукой по шапочке.

– В следующий раз погуляем. Я тебя в зоопарк свожу!

– Хочу в зоопарк! Хочу в зоопарк!

Детские возгласы слышны вплоть до выхода из сквера, затем они затихают, а еще через минуту он на пороге дома.

Следующие несколько дней он почти не отходил от экрана. События вдруг покатались, будто камень, который столкнули с горы: экран буквально полыхал, одни падали на зем-

лю, смертельно раненые, другие горели заживо. Мир явно сходил с ума, однако безумие обладало притягательной силой, эта стихия засасывала, и сопротивляться ей было невозможно...

Вскоре на пороге появляется Краб.

– Перемога! – восклицает возбужденно. – Ну, теперь покажем!

Чумак не понимает, кому и что покажут, да и чувства победы не испытывает. Но от выпивки не отказывается (в честь «перемоги» выставляют две бутылки). Выпивают раз, другой, и Краб вдруг спрашивает: умеешь машину водить? Чумак пожимает плечами: права есть, только просрочены.

– Я пытаю: умеешь чи ни?

– Да умею, умею! Грузовик, бэтээр, боевая машина десанта – все водил!

– А легковуху?

– Два пальца об асфальт. А тебе зачем?

– Хлопцы хочуть москалей на трассе пресувать! Второй водила треба. Допоможешь, Мыкола?

Чумак задумывается. Он почему-то не поправляет, мол, зовите его «товарищем майором». Но и соглашаться не спешит, плохо представляя, как можно на немецком автобане кого-то «прессовать»?!

– Посмотрим, – говорит. – Дел много, Стелла туристов обещала привести.

Краб смотрит на майора, как на малое дитя.

– Шо ты вяжешься с этой москалюгой?! Давно б ее послал!

И опять он не спорит. Стеллу давно хочется послать, да вот беда – женщин Чумак не материт, запрещает кодекс военного. И деньги тоже лишними не бывают. Вот эта морда уголовная разве даст заработать? Не похоже; а тогда мечта вряд ли осуществится, Чумак до гроба будет жить в клятой германщине. А его гроб должен лежать в другой земле, в этом майор себе поклялся.

– Тут лежать не буду! – говорил он, поддав. – В этой земле майора Чумака не похоронят!

4.

В один из дней к нему заваливает компания: Краб, телемастер Остап и некий Кирилл, чернявый коротышка с пронзительными глазами. Кирилл ниже спутников на голову, но те явно перед ним робеют.

– Сядешь за руль?

Коротышка буквально сверлит Чумака глазами.

– Может, и сяду. – отзывается майор. – Но предупреждаю: мои права просрочены.

– Если что, скажешь полицаям: собираюсь менять. Документ на управление получишь, страховка тоже есть. Только форму сними, мы этого не одобряем!

Кирилл тычет в звезды на куртке, а Краб ухмыляется:

– Да и одяг приметный...

В другое время майор нашел бы пару крепких выражений, а тут вдруг подчиняется, шарит в шкафу и идет в туалет напяливать дурацкий спортивный костюм (дочь купила перед отъездом). Он сам не заметил, как попал под воздействие: лидера сразу видно, он даже может себе позволить говорить по-русски, все равно – главный.

Усевшись в потрепанный BMW телемастера, едут на север, в район метро Osloer, где Чумаку демонстрируют старенький вишневый «Гольф-II» выпуска 80-х годов.

– Не смотри, что авто старое. Движок 1,8 литра, летает, как пташка! Поэтому твоя задача будет – обогнать нужную машину и притормозить, чтоб не дать уйти вперед. Остальное – наша забота.

Чумак усаживается за руль.

– А как я узнаю, что машина – нужная?

– По москальским номерам! – влезает Остап. – Их тут понаехало – шо саранчи, зовсим страх втратили!

– А мы им страх вернем, – жестко говорит Кирилл, – Пусть знают, суки, кто тут хозяин!

Что-то в этом проглядывает абсурдное, дикое (какие вы, на хрен, хозяйева?!), но Чумак не анализирует, он хочет присоединиться к стихии, которую олицетворяет Кирилл. Остальные – шпана, но вот за этим мужиком что-то стоит, а может, кто-то стоит, в общем, с таким можно и в огонь, и в воду...

– Хромота не мешает? – интересуется Кирилл.

– Так не по скалам же бегать, всего-то газ топить... Справлюсь.

– Добре! – говорит Краб. Он усаживается с Чумаком, двое других залезают в BMW, и «колонна» начинает движение в восточном направлении.

Спустя час они на трассе, ведущей к польской границе. В этом месте машины меняются местами, «Гольф» вырывается вперед и движется на максимально разрешенной скорости.

– Це вони! – указывает Краб на едущую впереди серебристую «Ауди». Чумак прибавляет газу, обгоняет и, пристроившись спереди, бьет по тормозам. «Ауди» пытается уйти влево, но ей не дают – можно только вправо. Когда машина смещается в крайний правый ряд, в дело вступают Кирилл с Остапом: прижимаются слева, и «Ауди», по сути, взята в клещи.

В зеркало заднего обзора видно, как из окна BMW показывается желто-голубое полотнище, оно лихо трепещет на ветру. Оттуда же высовывается голова Кирилла, он что-то орет и грозит кулаком. А потом яйцом – раз! Еще! По лобовому стеклу «Ауди» – слизистые потеки, но машина мчит на прежней скорости – женщина (а за рулем женщина) явно напугана. Включает дворники, те размазывают по стеклу вязкую массу, так что вообще никакого обзора. Мелькнувшую мысль: «Омывателя прысни, дура!» Чумак тут же гасит. Не жалко, потому что прическа-каре этой дуры напоминает Стеллу, и вообще: пусть знает, сучка, почем фунт лиха!

Наконец «Ауди» включает аварийку, съезжает на обочину, а они на скорости, под развевающимся знаменем, уносятся вперед.

– Молодец, Мыкола!

По плечу хлопает клешня, и тут же звенит мобильник Краба. Приложив трубку к уху, тот сосредоточенно внимает приказаниям «командира» из идущей сзади машины.

– Зрозумив, а то ж!

Он прячет телефон.

– Еще шукаем москалей!

И опять Чумак топит газ, чтобы через полчаса обнаружить «Тойоту» с триколором на заднем бампере. В машине – компания молодых ребят, они не очень-то боятся криков, флагов, один даже высунул руку, чтобы показать Кириллу средний палец. Но яйца по лобовому стеклу и тут работают. Наверное, «командир» набрал самых тухлых – даже омыватель не выручил, все равно «Тойоте» пришлось тормозить.

На указателе между тем мелькает название Furstenwalde.

– Далековато отъехали... – говорит Чумак. После звонка главному Краб командует:

– Розвернися зараз!

– А дальше?

– Отдыхай – пока. Полицаев вроде нэма, но край бачить треба.

В этот день машин с российскими номерами больше не попадалось. Зато на завтра «запрессовали» полдесятка

тачек, правда, с разными результатами. Одну семейку на «Форде», со стариками на заднем сиденье, перепугали до смерти, те сразу затормозили и дружно принялись очищать стекло. Молодая пара на синем «Пежо», напротив, умело увиливала от тухлых снарядов и, проскочив между машин преследователей, умчалась по автобану. А к джипу с тонированными стеклами вообще зря привязались. Во-первых, даже легкий скоростной «Гольф» не соперник многосильному мотору. Во-вторых, не всегда поймешь, кто там, за тонировкой. Но Кирилл вошел в раж (да и остальные вошли), и вот уже командует по телефону: обгоняй! А Чумак привык исполнять приказ: с трудом (джип мчал с превышением) обошел машину и начал сбавлять скорость. Сзади последовала серия вспышек фар, послышалось раздраженное пипиканье, и тут Кирилл со своим «жовто-блакитным»! Высунулся едва не по пояс, но не успел первое яйцо достать, как перед носом мелькнула бейсбольная бита. После чего из окна джипа вылез бритоголовый мордоворот, и началось фехтование. Кирилл орудовал флагштоком, мордоворот – битой, и выглядело это, по меньшей мере, нелепо.

– Во дают! – заржал Краб, обернувшись. Видевший сцену в зеркале Чумак тоже засмеялся, только вскоре стало не до смеха. Водила джипа, видно, рассвирепел и начал сам «прессовать» обидчиков. Усиленный передний бампер долбанул «Гольфа» в зад, потом еще, и Чумак понял: надо перестраиваться. А не тут-то было, джип нагоняет без усилий, не ото-

рвешься! BMW попытался помочь, да куда там – его так шарахнули, что на другую полосу отлетел!

Короче, пришлось линять с автобана на ближайшей развязке. На обратном пути заруливают к Чумаку, на столе тут же возникает шнапс, и начинается «разбор полетов». У Кирилла прямо желваки на скулах, кажется, ткни его иголкой – злоба брызнет из-под кожи фонтаном!

– Ладно, суки... – говорит. – Будет вам кое-что другое!

– Шо другое? – интересуется Краб.

– Вот что!

Покопавшись в сумке, Кирилл выставляет на стол металлического «ежа», скрученного из гвоздей и заточенного с четырех сторон. Штучка самая простая, зато любой протектор прокалывает на раз.

– Це добре! – поднимает большой палец Остап. – Тут шо джип, шо бэтээр – кинул под колесо, и хана!

Чумак хочет поправить товарища (а Остап – боевой товарищ, натюрлих!), мол, бэтээру не страшны ни «ежи», ни сквозные пулевые пробоины, там колеса подкачиваются прямо на ходу. Но он молчит, просто плескает в рюмки. Не надо портить то, что с трудом обрел. Он стал участником общего дела, здесь – свои, а те, кого «прессуют» – чужие. И азарт был неподдельный, риском запахло, как в былые времена, и жизнь настоящей сделалась, так что, хлопцы, за нас! А то ж! Когда Краб в очередной раз бежит за шнапсом, Чумак вдруг вспоминает, что утром звонила Стелла и опять проси-

ла убраться. Но не может отнестись к этому всерьез. Какая уборка?! Какая Стелла?! У них прошла успешная (или почти успешная) боевая операция, и они, как положено, ее отмечают!

Туристов приводят в самый неподходящий момент, когда Чумак в туалете. Выходит, заправляя майку в штаны, а в прихожей Стелла и двое девиц с чемоданами на колесиках. Те прыскают, глядя на расхристанного хозяина «апарт-отеля», а Стелла прямо зеленеет.

– Ключи нужны? – спрашивает Чумак, пошатываясь. Извинившись перед туристками, Стелла отводит его в сторону.

– Я же сказала: подготовься! – шипит, – И будь человеком!

– А я, по-твоему, кто? – усмехается Чумак. – Я и есть человек!

– Люди же откажутся, ты понимаешь?! Что у тебя за дверь? Опять пьянка?! И что за урод нам открывал? Собутыльник очередной?

Он вдруг представляет, как обходит черный «Опель Zafira» (на таком ездит Стелла), тормозит, и кто-то из боевых товарищей кидает под колеса «ежа». Хлоп! «Опель» кренится влево, его заносит на скорости, и он врезается со всего маху в металлический отбойник. Так тебе и надо! Эта крашеная блондинка – чуждое, и одновременно неполноценное существо, над которым можно издеваться и даже отправить в мир иной. Поду-умаешь, хоромы нажила! Бизнес раскрутила! Все равно ты...

– Сука москальская... – тихо говорит Чумак. У него опять начинается тик, щека дрожит, и от прилива крови темнеет в глазу.

– Что ты там бормочешь?! – продолжает Стелла. – Еще один такой случай – и больше клиентов не будет!

Он толкает дверь, за ней сидят друзья, его поддержка и опора. Заходит в комнату, оборачивается и произносит то же самое, но в полный голос. Можно сказать, швыряет слова в лицо, как боевую гранату.

Выщипанные брови взлетают вверх.

– Ты что, майор?! Совсем допился?! Что ты несешь?!

А Чумак не останавливается, он ощущает локоть товарища, а тогда – вторую гранату!

– Добре! – звучно хлопает клешнями Краб. – Дай ий ще!

Третью гранату! Он и дальше бы швырял смертоносные заряды в окоп противника, однако Стелла быстро приходит в себя.

– Смотри, отставничок... – говорит со злостью, – Зубы на полку положишь со своим социалом! Шульмана-то за одно место прихватили, накрылся ваш гешефт! А с этими алкашами далеко не уедешь, нищим сдохнешь, как и они!

Видя, как из-за стола поднимается пунцовый от ярости Кирилл, она вскидывает руку.

– Сидеть, уроды! Это вам не рашка! И не хохляндия ваша долбанная! Через пять минут тут полиция будет!

После чего все-таки спешит ретироваться. А они продол-

жают веселье с удвоенной силой. Нах бабу поганую! Всех нах, кто не с нами! Они включают телевизор, где такие же, как они, тоже кричат что-то вроде «нах»; а может, другое кричат – неважно. Важно совместное, плечом к плечу, сидение за столом, сдвигание стаканов, пение песен, слов которых Чумак не знает (да и не знал никогда), но все равно подтягивает козлетоном. Вокруг все, будто в тумане. Он видит, как на отлив вспрыгивает Геббельс, направляется к кормушке, а там – пусто. Подсыпать, что ли, корму? Только нет сил у Чумака, он пьян. Зато силы есть у Краба: тот отрывает окно, берет кота за шею своей клешней и с силой ее сжимает. Геббельс дергается, скользит когтями по жестянке, но вскоре обмякает.

– Так будем всех... – бормочет Краб (тоже пьяный в стельку). Труп серого дистрофика улетает в «патио», сердце на миг сжимается, но, когда товарищи затягивают песню, опять начинает биться в общем ритме. Что ему приبلудный котяра?! Его тоже нах!

На следующий день голова трещит, в ней судорожно бьются осколки мыслей, воспоминаний, и вдруг всплывает: Шульман... Вроде вчера о нем говорили, только что именно? Чумак набирает номер, однако трубку не берут. Тогда – снять военные фото со стен. Внутри нарастает протест, он вроде как предатель получается, да как ослушаешься новых товарищей? Кирилл сказал: сними этот «совок», глаза мозолит, значит, надо выполнять...

Разглядывая фото храма, Чумак задумывается. А затем, похмелившись для храбрости, торопливо тычет в кнопки мобильного. Классная идея! И если сестра поможет, он обязательно претворит ее в жизнь!

Обрадованная поначалу, сестра внезапно плачет.

– Да куда ж ты собираешься?! Беда у нас!

– Какая беда?! – не въезжает Чумак. – У вас там жизнь!

Настоящая!

А с той стороны опять слезные потоки.

– Да перестань ты рыдать! Скажи лучше: сколько у вас дом стоит? Наверняка ж недорого!

Выплакавшись, сестра говорит, мол, да, недорого, потому что многие болгары задумались: не уехать ли?

– Причем тут болгары?!

– А ты не понимаешь?

– Не понимаю! Я дом хочу купить!!

Следует длинная пауза.

– Лик опять почернел... – говорит сестра.

– Какой еще лик?! Я про дом спрашиваю!

– Лик той самой иконы. И сила в ней пропала, отец Павел даже не выносит ее на службы...

В общем, дурацкий разговор, как всегда бывает с женщинами. Он сам узнает про цены – через Интернет! Понятно, что никакого Интернета у Чумака не имеется, но у Шульмана он есть. Только как достать жидка? И зачем его вчера поминали?!

5.

Вечером Шульман звонит по телефону. Тревожный такой, заикается, из-за чего Чумак плохо его понимает. Какая сумка?! В шкафу?! Майор еще дважды похмелялся, в мозгу туман, и он с трудом вспоминает про гуманитарные лекарства. Каковые (если верить Шульману) являются запрещенными к ввозу препаратами, и лучше бы их выбросить.

– Ладно, выброшу. – говорит Чумак после паузы. – А у тебя этот... Интернет имеется?

– Зачем тебе? – нервно спрашивает Шульман.

– Надо. Цены хочу смотреть.

– Потом посмотришь цены! А сейчас задницу надо прикрыть, понятно?! Немедленно выброси коробки или вообще уничтожь. Сожги, растопчи, ну не знаю... Что-нибудь, короче, сделай!

– А чего ты своего турка не пришлешь?

– Какого турка?!

– Который тебе товар грузил.

– Никакой он не турок, он... Хотя это к делу не относится. Ты что, не въехал?! Проблемы у нас! А в первую очередь у тебя!

Чумак задумывается. Он представляет, как завтра опять отправятся на задание, как будут «прессовать» чужих, бросая непокорным «ежи» под протекторы, и исполняется гор-

достью. Они настоящие мужчины, а эту трусливую мразь – тоже нах!

– Слушай сюда, жидяра. – говорит Чумак. – Это у тебя проблемы. А у меня проблем нет. У меня есть друзья. Товарищи, понимаешь? Хотя тебе этого не понять. Поэтому забудь мой номер телефона. И майора Чумака забудь. И вообще пошел ты...

Следует длинная пауза.

– У тебя крыша поехала, натюрлих. Хотя... Я тебя предупредил.

«Выкину вечером!» – решает Чумак. Но только собрался на помойку – Краб на пороге, светит фингалом под глазом.

– Где тебя угораздило?! – удивляется Чумак. Следует взмах клешни, мол, не спрашивай! А затем рассказ о том, как ночью громили москальский магазин. Вроде все продумали, включая пути отхода, и машина – за углом, так охранник, оказывается, в магазине ночевал! А у того дубинка; и вот он, сука, выскочил через разбитую витрину, и давай этой дубинкой их охаживать!

– Чего ж с собой не позвали? – спрашивает Чумак с обидой.

– Так хромаешь ты, не втик бы! А нам втикать довелось! Затем и другие появляются, тоже злые, опять начинают пить, и про сумку, что стоит в шкафу, благополучно забывается.

Следующая вылазка на трассу напоминает боевую опера-

цию. Они высматривают противника, соответствующего возможностям подразделения, к примеру, три авто, идущих караваном, пропускают – этих не одолеть. Могучий Rang Rover (чуть ли не с бронированными стеклами) тоже не трогают, памятуя о давешней схватке. А вот одинокая белая «Лада-Гранта» пригодна для нападения, это вражеское транспортное средство будет уничтожено с гарантией.

– Обгоняй! – передают команду Кирилла. Чумак проскакивает впритирку, успевая заметить детское лицо, что прилипло к стеклу. Это девочка, она машет рукой проезжающей машине, и ощущение от того – странное. Обгон, взгляд в зеркало, и тут ясно: полна коробушка, то есть, салон – под завязку. За рулем папаша, рядом мамаша, сзади вроде как бабуля с внуком и внучкой.

– Может, посерьезней тачку поищем? – вопрошает Чумак, впервые усомнившись в правоте «командира». Краб отмахивается.

– Кирилл каже: самое то!

Что ж, тогда ногу на тормоз, после чего задняя машина тоже сбавляет. Водитель не понимает, что за хрен с горы пристроился спереди, включает левый поворотник (уйду, мол, в другой ряд), а тут BMW! Флаг из окна, и первое яйцо, что разбивается на капоте. Второй снаряд вообще пролетает мимо, но страх уже обуял пассажиров, это видно по испуганной жестикуляции мамаша. Высунувшись по пояс, Кирилл что-то орет, машет кулаком, и в этот момент (вдруг отмечает Чу-

мак) совсем не кажется коротышкой. Гигантом кажется, безраздельным господином автобанов, который может легко заставить папашу нервно крутить руль, а мальчика с девочкой – прижаться к обмершей от ужаса бабуле. Внезапно вспоминается девочка Маша из сквера, и кажется: в «Ладе» везут именно ее. Почему ее?! Она осталась в Берлине, у нее все замечательно, наверняка сейчас где-нибудь в зоопарке жирафов смотрит! А поди ж ты, привязалась дурацкая мысль, и не отпускает!

По любому Чумак считает: этим достаточно, поугали – и хватит. Да только у «командира» (на то и «командир»!) свои тактические планы. BMW обгоняет белую машину, в окне мелькает рука, и под колеса летит «еж»! Зачем?! Только поздно, «Ладу» закручивает и с силой ударяет об отбойник. Последний кадр в зеркале: крутящиеся в воздухе колеса, и в уши бьет:

– Гони, Мыкола!! Вперед!!

До развязки летят пулей, да и потом, отвернув на север, топят с превышением. Возвращаются по второстепенным дорогам, закоулками, и мысли об одном: лишь бы на камерах наблюдения не засветиться. Насчет них Кирилл обычно предупреждал заранее, на таких участках они вели себя смиренно, да только у них война, она втягивает безвозвратно, до камер ли тут?

«Гольф» оставляется на стоянке в квартале Чумака. На душе у него кошки скребут, и остальные участники боевых

действий, видно, встревожены.

– Ладно, – говорит Кирилл, – затихли на время. Уляжется шум, тогда опять займемся делом.

Душевный раздрай Чумак заливает шнапсом. Перевернутая тачка стоит перед глазами, хоть убей, значит, нужно выпить. Не помогает? Тогда приинки к экрану, чтоб подпитаться бьющей оттуда энергией. В телевизоре мелькали незнакомые лица, произносились страстные речи, в воздух взметывались кулаки, и это, как ни странно, успокаивало. Ну не может эта сила тратиться попусту! Не могут такие люди болтать зазря, правые они!

Но покой Чумаку только снится. Он редко проверял назначенные евро, на жизнь худо-бедно хватало, да под-растратился на угощения. И вот сует руку под белье – а там пусто! Шарит на другой полке – то же самое! Перерывает снизу доверху весь шкаф, только пачка евро (довольно толстая!) будто испарилась!

Увы, деньги не могут испаряться. А поскольку в последние дни здесь бывали исключительно друзья-товарищи, все понятно. Точнее, ничего не понятно. Чумак не хочет думать на товарищей, он мысли такой допустить не может. Это сделал кто-то другой! Однако «еж» уже брошен, причем под ноги Чумаку. Он напоминает себе ту самую перевернутую тачку, чьи колеса беспомощно крутятся в воздухе...

В очередном алкогольном сне Чумак оказывается на арене, окруженной зрительными рядами. Зрители сплошь де-

сантура, кажется, весь ограниченный контингент сюда приперся, включая Громова, Шпака, Сашку Клюева... А вон и Потапов рукой машет, мол, не дрейфь, победа будет за нами!

– В чем побеждать-то? – недоумевает майор.

– Как в чем?! – восклицает Ваня. – В армрестлинге!

И тут на арене появляется Краб. Он огромный, и вместо рук у него действительно клешни с острыми зубцами.

– Да как же я с таким бороться буду?!

Когда Чумак пятится назад, в зрительных рядах возникает гул.

– Стыдись, майор! Ты ж его на раз побеждал!

– Так я человека побеждал! А это монстр!

– Ничего страшного, ты тоже не совсем человек! Посмотри на себя!

Чумак озирает собственное тело, с ужасом замечая: он горилла! Косматая, с сединой на груди, и лапы такие, что клешням хрен уступят. Они сходятся посреди арены, усаживаются за стол и сцепляют конечности. Ну, конечно, мошеник опять не ждет «раз, два, три», сразу старается завалить. Врешь, не возьмешь! Черная, покрытая шерсть лапа напрягается, сдерживая натиск жесткой красноватой клешни, а из зала между тем доносится:

– Хороший мужик был Петрович!

– Ну да, настоящий солдат!

– Последнее от себя отрывал ради товарищей!

– А сколько наших из-под огня вытащил?!

– Мне лично вторую жизнь подарил! Ну, светлая память! Борьба идет с переменным успехом, но если его будут заживо отпевать...

– Эй, прекратите! – хрипит горилла. – Иначе я проиграю! Из заднего ряда поднимается коротышка Кирилл.

– Ты уже проиграл, майор! Краб, дави его! Дожимай! И таки ж напрягается, морда, давит клешней, как прессом, и вот уже мохнатая лапа лежит на столе. В зрительных рядах слышен вздох разочарования.

– Что ж так? – укоризненно качает головой Потапов. Горилла машет лапой.

– Пропадаю я, Ваня. Совсем пропадаю...

С этой мыслью и выплывает в хмурое утро. Во рту сушь, в кармане – вошь на аркане. Значит, подъем и к банкомату, снимать денежки. Можно было бы картой за шнапс расплатиться, да не любил этого майор – игра вслепую, никогда не сообразишь, сколько потратил.

Его спасает сломанный банкомат. Захотел получить евро, а тот не выдает! Пришлось топтать к станции метро, то есть, полчаса туда и обратно. Возвращается, а у подъезда полицейская машина! Почему он уверен, что явились за ним? А вот уверен, и все!

Он изображает из себя случайного прохожего, мирно бредущего по своим делам. Проходит мимо подъезда и машины, за рулем которой скучает полицейский, сворачивает за угол, затем еще раз. А в «патио» – еще один в форме! Прямо

перед его окном!

Во рту пересыхает еще сильнее, сердце часто колотится, а в мозгу пульсирует лихорадочное: препараты! Не выкинул, придурок! Чумак воображает, как полицейские обшаривают его халупу, суют нос во все углы и, наконец, заглядывают в шкаф. «О-ля-ля!» – восклицает главный, доставая на свет божий злосчастную сумочку. Из нее вытряхивают контрабанду, зовут понятых из соседних квартир, и это означает: Чумаку – капут.

Полицейский между тем встает на цыпочки и прикладывает ладонь ко лбу, стараясь что-то разглядеть за стеклом. Неожиданно возникает Борман, он вспрыгивает на отлив, без страха приближается к полицейскому, и тот гладит котяру. «Меня бы гладили против шерсти...» – судорожно усмехается Чумак, – А если еще про подвиги на автобане вызнают? Тогда вообще кранты!»

Пятясь, он исчезает за углом. Отвинчивает пробку, делает крупный глоток, но алкоголь не успокаивает. Куда идти – непонятно. Ответ появляется, когда нащупывает в кармане спортивного костюма ключи от машины. Уехать! Неважно, куда, главное – подальше! Скрыться, пересидеть, исчезнуть, и как можно быстрее!

Путь на стоянку идет через сквер, где опять сборище родителей. Вначале ускоривший шаг, Чумак внезапно тормозит. Женщины в модных пальто, дети в ярких курточках и комбинезонах, улыбки на лицах, оживленная жестикуля-

ция... Перед глазами явлено благополучие. Обеспеченные люди, нормальная жизнь, которой Чумак никогда (или почти никогда) не имел. И здесь не смог ее обрести, и кого винить в таком вселенском раздолбайстве?!

Внезапно от толпы отделяется знакомая кроха.

– Дядя военный, я тебя узнала!

Подбежавшая Маша улыбается, хотя не может скрыть недоумения.

– Только ты сегодня какой-то... Не военный!

Чумак оглядывает свой спортивный костюм и разводит руками.

– Точно подметила...

Родительница Маши тоже узнает Чумака, машет ему издали рукой, и тот чувствует, как щека опять предательски дергается.

– А что у тебя с лицом? – спрашивает кроха. Чумак прикрывает щеку.

– Это война... Война, Машенька.

– А ножка хромая – тоже война?

– Тоже. И никак она не кончится, эта война...

– А мы пойдем в зоопарк?

Чумак гладит девочку по голове.

– Обязательно! Будем смотреть гориллу. Большую такую обезьяну!

– И слона будем смотреть?

– И слона будем. Только чуть позже. Потерпи немножко,

мы обязательно пойдем в зоопарк!

Он сглатывает комок. Нет жизни, не получилась. Может, где-то получится? Неважно, где – там, за горизонтом, куда он отправится на вишневом «Гольфе», что ждет его на стоянке... Чумак усаживается в машину, заводит мотор и, помахав рукой служащему, выезжает с парковки.

На городских улицах Чумак ведет машину осторожно, соблюдая все правила. И на трассе не превышает скоростной режим, потому что даже просроченных прав не имеет – они осталось в квартире. Он не знает, почему держит путь на восток, с таким же успехом можно было отправиться на север или на юг, куда-нибудь в Баварские Альпы. Автоматически выбрал направление, кажется: так он ближе к дому. Вот он проезжает Storkow, далее последует Furstenwalde, и тут, как назло, привязывается патрульная машина!

Какого хера?! Он же ничего не нарушил! Но из окна полицейской тачки появляется рука с полосатым жезлом, на конце которого – красный фонарь. Затем и вовсе врубают мигалку, и из динамика раздаются непонятные слова на немецком. То есть, смысл понятен и ежу: требуют остановки, потому что «Гольфа» наверняка засекала камера наблюдения, когда дурили на автобане. А может, добросовестные бюргеры настучали в полицию, увидев безобразие, в любом случае придется отвечать по всей строгости бундес-законодательства.

А отвечать не хочется, натюрлих, поэтому «Гольф» набирает скорость. Полиция не отстает, Чумак еще превышает,

и вот уже обе машины несутся на пределе. Что-то в этом проглядывает абсурдное, но всякое ведь в жизни бывало! Однажды вот так, на дурачка, десантная группа Чумака под шквальным огнем прорвалась к своим, хотя шансов было ноль! А значит, еще притопим! Майору должно повезти, как тогда, в далеких стреляющих горах. Черт, как слепит глаза! Почему низко висящее зимнее солнце так напоминает знойное, стоящее в зените солнце Афгана?! Чумак прикрывает глаза ладонью и уже не видит, как машину сносит к отбойнику и с нечеловеческой силой ударяет об него...

Перевернутый кверху колесами «Гольф» вспыхивает, как сухая солома. Он успевает полностью выгореть до приезда пожарного расчета, так что обещание майора оказывается выполненным – хоронить в немецкой земле уже нечего.

Ева рожает

1.

Встреча не складывается с того момента, когда существо в рыжей куртке с лейблом Nike поперек груди шагает навстречу, отгесняя Глеба, и протягивает руку:

– Приветтики. Меня Катей зовут, хотя можно по-простому – Кэт. А ты Ева, да?

У существа есть имя (даже два имени), но почему-то тянет называть ее именно так: существо. Приземистая и плотная курносовая деваха с рыжими, под цвет куртки короткими волосами, она перекатывает во рту жвачку и бесцеремонно тарашит белесые глазища на Еву с Глебом, дарящим друг другу осторожные поцелуи.

– Эй, да обнимитесь вы! Сколько времени не виделись!

Уверенно посмеиваясь, деваха командует, хотя она гораздо младше (гораздо!). Она вообще с первых секунд занимает слишком большое пространство. Машина аэропорта Charles de Gaulle гудит тысячами голосов, толпы людей шагают с чемоданами и тележками, но Кэт умудряется заполнить собой добрую половину гулкого объема зала прилетов.

Ева поднимает глаза на Глеба. – А сколько мы не виделись?

– Не помню... – пожимает тот плечами.

– А я помню. Три месяца прошло с тех пор, как мы в Метеорах...

– Да за три месяца можно три раза жениться и развестись! По разу в месяц, ха-ха-ха!

Вдогонку хохоту Кэт надувает огромный пузырь из жвачки и звучно им хлопает. Пока добираются до эскалатора, хохот раздаётся ещё несколько раз, причем повод не важен – существо переполнено незамутненным восторгом бытия. К Еве она (оно?) обращается исключительно на «ты», толкает ее в бок, когда что-то хочет спросить, и Глеб (вот странно!) не делает ей замечаний. Ева и сама могла бы унять существо, но чья сестра эта самая Кэт? Она – сестра Глеба, это он попросил взять ее с собой, чтобы показать Париж, а значит, и одергивать должен он.

Между двумя эскалаторами существо неожиданно пропадает. Ева отвлекается на указатель (она сама до сих пор путается в гигантском Charles de Gaulle), Глеб пересчитывает вытащенные из бумажника евро, и вдруг – тишина. Ни хохота, ни толчков в бок, и вот она уже вертит головой на триста шестьдесят градусов, вторгаясь в многоязычный хор этого нового Вавилона:

– Катя! Кэт! Ты где?!

Ева пугается не на шутку, бежит влево, потом вправо, удивляясь спокойствию Глеба, не отходящего от чемодана.

– Куда она делась?!

– Да никуда она не денется... – морщится Глеб.

– Ну да, не денется! Здесь же запросто можно потеряться!

Во время очередного броска вправо Ева с облегчением замечает надпись Nike, идущую еще и вдоль спины рыжей куртки. Она издали окликает беглянку, но та, встав возле журнального лотка, не оборачивается. Оказывается, она уже успела воткнуть в уши крохотные наушники, музыка в которых орёт так, что слышно с двух метров.

– Поняла, поняла! – кричит Кэт, не снимая наушников, – Я журнал увидела суперский, вот и отбежала! Чего?! Журнал, говорю, Cosmopolitan, кайфовый очень! Я его у себя всегда покупаю, только здесь он почему-то не на нашем языке! Почему?!

Это «почему?» слышится постоянным рефреном на перроне, в скоростном метро, преследуя Еву до самого Нантера. Почему мы едем на электричке, у вас что – нет машины? Нет?! Я думала, здесь у всех машины... А почему такая тоска за окном? Где вышка эта, ну, Эйфелева? И почему в вагоне столько негров?! И в аэропорту негры на каждом шагу, блин, не понимаю!

Дома вопросы продолжают сыпаться градом. А почему свет в подъезде горит только одну минуту? Я чуть не наверху, когда он погас! А отопление в твоей квартире почему не работает? Дубак ведь, хоть и солнце на улице! И почему здесь тоже негры?! Везде негры, ну просто Африка, да, Глеб? Ты сказал: поедem в Париж, а тут Гондурас голимый! Глеб с

усмешкой поправляет, мол, Гондурас находится в Латинской Америке, но существо машет рукой: какая разница?! Негры – они в Африке негры, и в Латинской Америке!

Усмешка Глеба явно снисходительна к существу, а по отношению к Еве... Непонятная какая-то. Усмешка явно адресована и ей в том числе, только не разобрать: что за нею скрывают? Глеб нетороплив, даже расслаблен, Ева же напрягается – чем дальше, тем больше. Наконец, Кэт скрывается за дверью ванной, они остаются тет-а-тет, самое время сказать друг другу что-то важное. Но разговор опять не клеится. Да, отопление не работает, в апреле мы уже отключаем батареи. Хотя, если надо, я включу. Брось, я знаю, у вас во Франции это дорогое удовольствие. И совсем не дорогое, подумаешь! Вот прямо сейчас возьму и включу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.